

Глава VI. ПОРЕФОРМЕННЫЕ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В СИБИРЬ

В пореформенное время переселения в Сибирь принимают такие размеры, что для этого периода мы смело можем считать Сибирь главным, основным, миграционным театром России. Приток в Сибирь за полстолетие нескольких миллионов переселенцев был крупнейшим фактом в перераспределении населения России в период развития и господства капиталистических отношений. Русское народное сознание конца XIX и начала XX века воспринимает переселенческий вопрос как вопрос переселений именно в Сибирь.

Для иллюстрации возрастающей роли Сибири в поглощении переселенцев в таблице 10 приведена картина распределения по районам крестьян, выселявшихся из Полтавской губернии, земство которой выполнило ряд подробных и тщательных статистических исследований.¹

Т а б л и ц а 10

На 100 выходцев направлялось	1861— —1876 гг.	1877— —1891 гг.	1892— —1896 гг.	1897— —1899 гг.	1900— —1903 гг.
В Новороссию	37	18	22	26	3
В Предкавказье	53	78	66	28	17
В Заволжье	2	1	6	20	2
В Сибирь	8	3	6	26	78

Движение в Сибирь приобретает отчётливо-выраженный характер массовых аграрных переселений. Крестьянская земледельческая колонизация получает особенный размах после постройки Сибирской ж. д. В ней теряется численно сравнительно скромный поток населения, вызываемый иными мотивами и обстоятельствами, например, приток населения в города, в возникающие новые горнопромышленные посёлки, на железные дороги и т. п.

Область заселения и её порайонные особенности. Территория, на которой во второй половине XIX века интенсивно происходило оседание переселенцев, представляла собой в сущности очень

¹ Таблица составлена нами на основе земских данных, приведённых в работе И. Л. Ямзина «Переселенческое движение в России с момента освобождения крестьян», Киев, 1912.

малую часть всей Сибири. Мы можем оконтурить её в виде клинообразной полосы, которая тянется в широтном направлении непрерывно от Урала до Байкала, продолжаясь в Забайкалье уже в виде отдельных пятен. Ширина этой полосы в общем уменьшается с запада на восток, но при этом как бы пульсирует, имея значительные «утолщения», главным образом, за счёт своей южной границы: первое между Иртышом и Обью (Алтай), второе — в верхнем течении Енисея (Минусинский район). Вдоль северной границы этой полосы можно также заметить «выступы», но более скромные (в районе впадения Тобола в Иртыш, по Оби до устья Чулыма, по Енисею). На западном отрезке этой активно заселявшейся полосы (до Оби) ширина её колеблется от 350 до 750 км, между Обью и Енисеем сужается до 200—250 км, к востоку от Енисея составляет около 200 км. Общая площадь этого обширного, вытянутого с запада на восток «колониционного бассейна» — около 1,2 млн. кв. км. Географическая «ось» его совпадает с направлением Сибирской железной дороги и является несколько смещённой к югу по сравнению с направлением (впрочем, довольно извилистым) Сибирского тракта в том виде, как он сложился к началу XIX века («сползание» колонизации к югу мы отмечали ещё с XVIII века). В силу этой смещённости по отношению к более раннему направлению колонизации, здесь, особенно в западной части, игравшей, как увидим в дальнейшем, наиболее важную роль в приёме переселенцев, было ещё сравнительно мало русских заселений (кроме казачьих и крестьянских заселений по Иртышу и на Алтае). Этот край, служивший ещё в XVIII веке ареной пограничной «малой войны» с кочевниками, южными соседями русских поселенцев, практически был в большей своей части свободен от оседлого и вообще прочного заселения, в том числе и туземного.

При оценке условий заселения отдельных участков этой полосы весьма существенными являются расстояния их от «коренной» России. Этот фактор, игравший большую роль на протяжении всей колонизации Сибири, стал особенно важным в период капиталистического заселения при господстве товарных форм хозяйства. Условия транспортных связей с российскими рынками или экспортными портами приобрели в это время огромное значение.

Учитывая расстояние «до России», а также речную сеть и рельеф, определявшие во многом конфигурацию транспортных связей, можно разбить весь очерченный «бассейн» как бы на 4 меридиональных пояса: I. Западный, Урало-Иртышский; II. Центральный, Обско-Алтайский; III. Восточный, Енисейско-Предбайкальский; IV. Забайкальский. При установлении границ этих поясов (рис. 9 на стр. 143) удобным оказалось приурочить их к административно-губернским делениям, так как целый ряд отчётно-статистических данных относится к губернным единицам, а также к контурам «кабинетских земель» Алтая и Забайкалья, где правовые условия водворения переселенцев имели некоторые особенности.

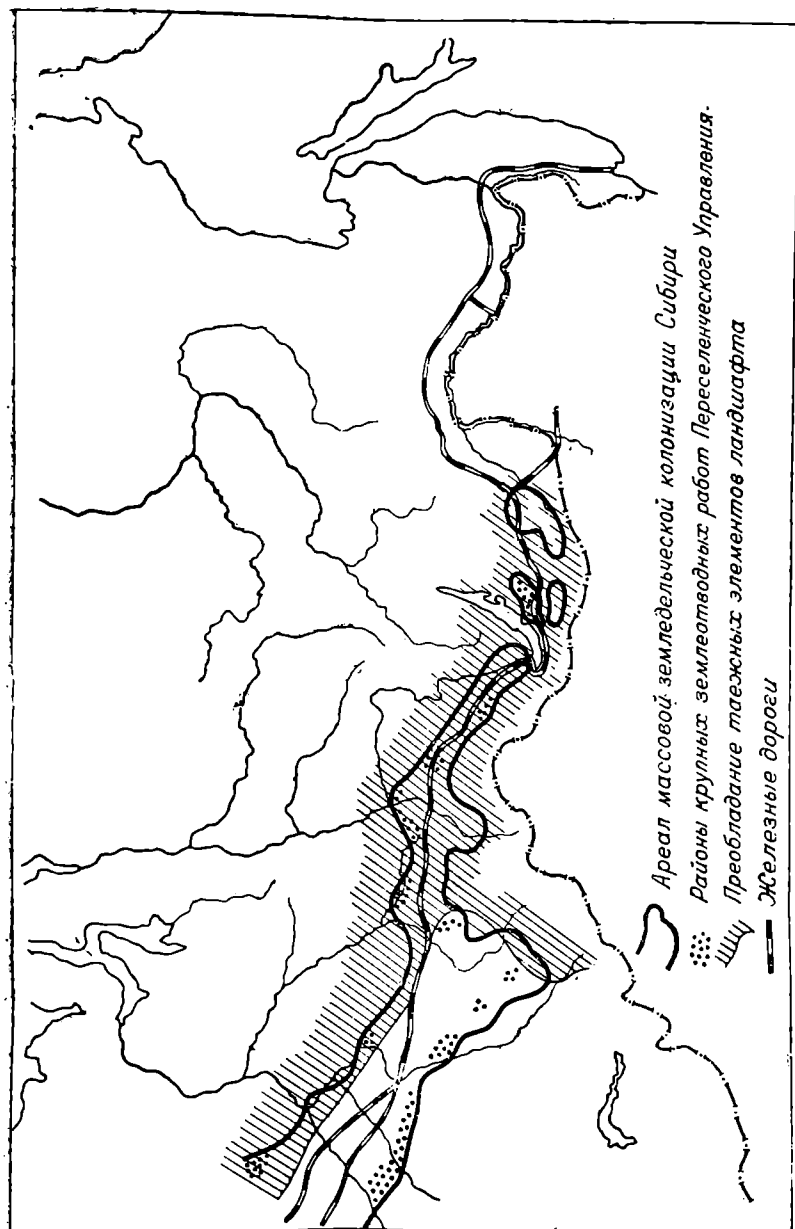

Рис. 8. Основной ареал массовой земледельческой колонизации Сибири в пореформенное время

В ландшафтном отношении ¹этот колонизационный бассейн характеризуется наличием в западной части таёжной кромки, проходящей по его северной окраине, и степной полосы — по южной. Среднюю, наиболее широкую полосу, занимает лесостепь. Восточнее тайга постепенно смещается к югу и заполняет уже весь колонизационный бассейн. Картина эта нарушается на Алтае, где, с одной стороны, степные и лесостепные ландшафты выражены значительно шире, а с другой, — в колонизационный бассейн вторгаются (при этом не с севера, а с юга) лесные элементы (горная тайга). В Забайкалье колонизируемые островки лесостепи (и отчасти степи) окружены горно-таёжными ландшафтами (рис. 9). Эти ландшафтные характеристики представляют для нас интерес, разумеется, не сами по себе, а в свете особенностей хозяйственного освоения. При этом нам необходимо не терять исторической точки зрения и сами условия освоения рассматривать в связи с тем способом производства, с теми социальными отношениями, которые складывались на осваиваемых землях.

Наложим названные выше «пояса» на ландшафтные зоны. Внешние контуры районируемой полосы несколько раздвинем по сравнению с контуром определённого нами выше «колонизационного бассейна» до величины площади около 1,7 млн. км², чтобы захватить и прилегающие территории, где колонизация также шла, хотя и менее интенсивно. Получаем следующую схему районирования ² (рис. 9 и табл. 11)

Охарактеризуем в кратких чертах миграционный театр с точки зрения условий для оседания переселенцев, указывая в скобках те районы, в которых выражены отдельные особенности.

Рельеф западной половины всей полосы, кроме, разумеется, Алтая, в общем весьма плоский (районы Тобольский, Западный лесостепной, Акмолинский, Томский и Новосибирский. По нашей карте №№ 1, 2, 3, 4, 5). Восточная половина (районы — Енисейский и Чунский, по карте №№ 8, 9; отчасти также Минусинский и Забайкальский, по карте №№ 10 и 11) характеризуется «сопочным» рельефом. ³ Крайний запад орошается главным образом реками, текущими с восточных склонов Урала. Реки эти (Тура, Тавда, Ница, Пышма и др., а также Тобол) служили некогда путями проникновения сюда первых переселенцев. С северо-востока Тобольский район (по карте № 1) переходит в Васюганские болота и более мелкие заболоченные пространства.

¹ Для дальнейшего используем: Естественно-историческое районирование СССР. СОПС АН СССР, М., 1947; С. П. Сусл ов. Физическая география СССР (Азиатская часть), Л.-М., 1947; Л. С. Берг. Географические зоны Советского Союза, М., 1947.

² Она приурочена специально к задачам анализа процессов переселения в пореформенный период и отнюдь не претендует на «общее» экономико-географическое значение.

³ «Енисей составляет резкую границу, разделяющую как бы два мира... Начиная с правобережья Енисея, и рельеф и органический мир заметно изменяются: правый берег Енисея обрывистый, и противоположение с низменным левым чрезвычайно резкое» (Л. С. Берг. Географические зоны Советского Союза, ч. 1, М., 1947, стр. 112).

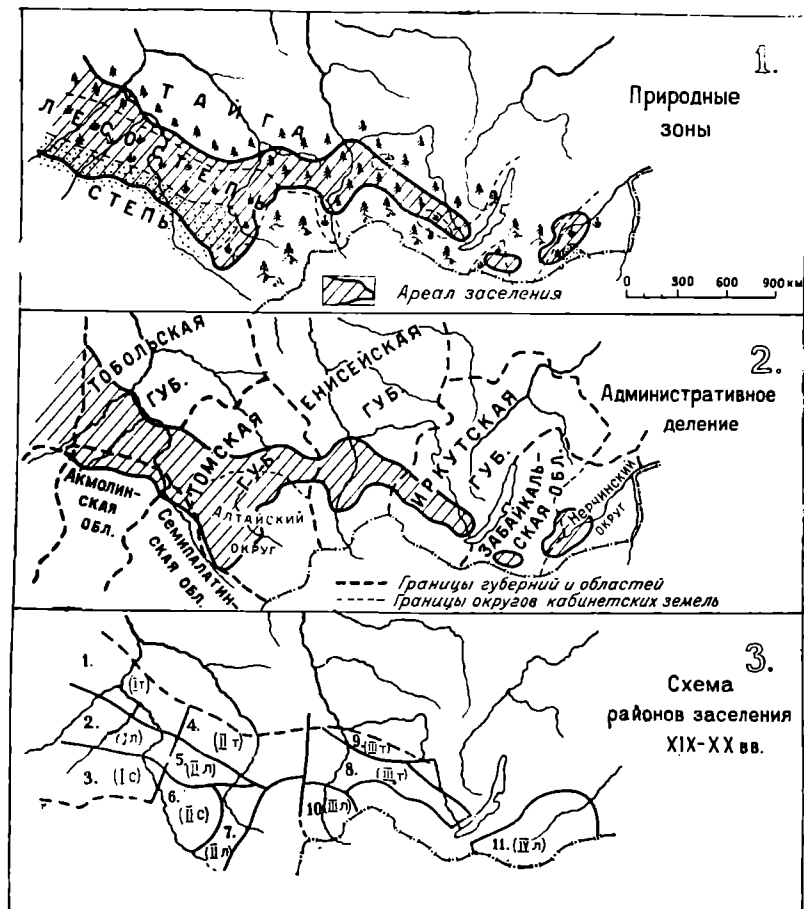

Рис. 9. Районирование территорий Сибири, активно заселявшихся в пореформенное время.

Римские цифры обозначают «ярусы», считая от Урала; буквы т. д. с. — соответственно преобладание в ландшафте тайги, лесостепи, степи.

1. Тобольский. 2. Западный лесостепной. 3. Акмолинский. 4. Томский. 5. Новосибирский. 6. Алтайский степной. 7. Алтайский горный и лесостепной. 8. Енисейский. 9. Чунский. 10. Минусинский. 11. Забайкальский

Тайга в западной части (районы Тобольский и Западный лесостепной, по карте №№ 1, 4) — урманно-болотного типа, пихто-кедрово-еловая «чернь»; однако она во многих местах уже подверглась «осветлению» вследствие длительного обитания здесь человека.¹ Палами объясняют наличие в западно-сибирской тай-

¹ Вот как характеризовал эти процессы для Тарского уезда незадолго до Октябрьской революции один из исследователей: «Несколько десятков лет тому назад эта территория представляла собой вековой и непроходимый урман с преобладанием хвойных пород. Человек появлялся здесь лишь ружьем в руках, пробираясь по звериной тропе, да за сбором кедровых орехов и ягод. Но с той поры в характере местности произошли значительные

те больших массивов осинников, большинства так называемых «еланей» («луговых» полян с листовенным редколесьем). Высказывалась даже мысль, что вторичное происхождение, связанное с палами, имеют многие боры, образовавшиеся на песчаных ме-

Таблица 11

Районы колонизации Сибири во 2-й половине XIX и начале XX вв.

Пояса Ландшафтные зоны	I. Западный	II. Централь- ный	III. Восточ- ный	IV. Забай- кальский
Тайга с вариантами	1. Тобольский (сев. уезды Тобольской губернии)	4. Томский (сев. уезды Томской губернии)	8. Енисейский (сев.-зап. уезды Енисейской и западные Иркутской губернии) 9. Чунский (сев. уезды Енисейской и сев.-западные Иркутской губернии)	
Лесостепь и ландшафты предгорий	2. Западный лесостепной (южн. уезды Тобольской губернии)	5. Новосибирский (среди. уезды Томской губернии) 7. Алтайский горно-лесостепной	10. Минусинский (южн. уезды Енисейской губернии)	11. Забайкальский
Степь	3. Акмолинский	6. Алтайский степной		

изменения, и в настоящее время непроходимый ранее дикий урман обратился в местность, вполне пригодную для заселения и с. х. культуры... Громадные лесные пожары, особенно сильные в 40-х, 60-х и 90-х гг. прошлого столетия... совершенно изменили характер травяной и древесной растительности. На смену насаждениям с преобладанием хвойных пород появились громадные площади гарей, поросших затем берёзой и осиною, местами с примесью сосны, кедра, ели, пихты и лиственницы... Средний возраст насаждений колеблется от 15 до 50 лет. Подлесок составляют: липа, черёмуха, ябина и ягодные кустарники» (Л. Трипольский. Опыты обращения лесных пространств в Сибири в с. х. угоды и необходимость правительственной помощи переселенцам в деле раскорчёвки леса. Вопросы колонизации, № 15 (1914), стр. 144—145).

х ах. Однако гари оказывались благоприятными для с. х. культуры только тогда, когда они не подвергались быстрому заболачиванию, что часто случалось в связи с прекращением дренажного действия леса.² Сибирская урманная тайга после пала, если человек не окультурит гарь, имеет тенденцию восстановиться особенно, если грунтовые воды стоят высоко.³ Таким образом, пал часто приводил только к «порче» тайги, к превращению её в заболоченный осинник, в котором постепенно снова восстанавливалось господство хвойных пород, однако, уже с резко сниженным бонитетом и возрастным составом.⁴

В восточной половине рассматриваемой полосы (главным образом районы Енисейский и Чунский, по карте №№ 8, 9) пересечённый рельеф исключал развитие на больших площадях сплошных урманов; но «сопочный» рельеф и пади делали тайгу ещё более проходимой, чем на западе. Отдельные заболоченные территории и здесь сильно обесценивали колонизационный фонд, особенно когда они затрудняли связь с лежащими в глубине от магистральных путей участками, удобными для заселения. Устройство хорошо оканавленных дорог, улучшающих естественный сток, являлось технически вполне возможным способом мелиорации таких участков,⁵ но применение его упиралось уже в социальные условия — требовался плановый подход к освоению сразу значительных площадей.

Таёжные промыслы в Енисейском и Чунском районах (по нашей карте №№ 8, 9) играли едва ли не большую роль, чем земледелие в жизни переселенцев и даже старожилов, имевших достаточно времени для окультуривания еланей и возможность приурочить расселение именно к ним. По оценке одного из наблюдательных исследователей в верховьях Кети (то есть в районе Енисейска, на нашей карте район № 8) «средняя крестьянская

На это указывал, например, Городков. Пал, по его мнению, препятствовал специфически урманным хвойным породам (которые он уничтожает) вытеснить сосну (которая пал выдерживает). См. Л. С. Берг. Географические зоны Советского Союза, ч. I, М., 1947, стр. 153.

² «Нередко заболачивание местности начинается после лесных пожаров или вырубок, раньше бывших сухими. Причина та, что лес, испаряя громадное количество влаги, на равнинах понижает уровень грунтовых вод и дренирует местность; с исчезновением леса грунтовые воды выступают на поверхность (Л. С. Берг. Природа СССР, М., 1938, стр. 42).

³ О. В. Маркграф. Великая Сибирская низменность, её географические особенности и её значение для хозяйства и заселения страны. Землеведение, 1894, т. II—III.

⁴ Весьма обыкновенны были также случаи, когда в результате палов приходили в движение пески (например, прирусловых валов) и портили соседние, уже окультуренные земли.

⁵ В соседнем Забайкалье (на нашей карте район № 11) в отдельных местах подобные работы проводились. «Благодаря проведению канав, заболоченные места, прилегающие к строящейся дороге, превратились в почти совершенно сухие площади. До проведения же канав, при отсутствии естественных склонов на поверхности земли с водонепроницаемой глинистой подпочвой, вся выпадавшая вода задерживалась, благодаря густой растительности в верхнем слое почвы, обращая сырые места в непроходимые болота» (Г. Ф. Чиркин. Переселение и землеустройство в Забайкалье, стр. 73 — 74).

семья из пяти душ» за год заготавливала до 500 белок (по 50 коп. штука), до 100 пуд. кедровых орехов (по 2 руб. пуд), до 100 пуд. брусники (по 3 руб. пуд) — всего рублей на 750. В Чунском районе (район № 9) «главное средство к существованию — звероловство и рыбная ловля, а отнюдь не сельское хозяйство... (Нет) ни одного дома, где бы не было нескольких мелкокалиберных и крупнокалиберных винтовок, промысловые собаки ценятся чуть ли не в сотни рублей». ¹ Этот район (№ 9) характеризуется наиболее суровыми климатическими условиями, чему способствует и его приподнятость по сравнению с таёжными районами запада; на водоразделах высоты часто превышают 400 — 500 м. Поэтому посевы здесь часто вымерзали. Поскольку сама техника земледелия к пореформенному времени мало изменилась по сравнению с той, какую мы видели здесь в XVII—XVIII вв., наиболее удобными для освоения оставались земли «в полугоре» — на террасах крупных рек, особенно при южной их экспозиции.

Подготовка таёжных ландшафтов под сельскохозяйственную культуру представляла собой достаточно тяжёлую операцию, поэтому переселенцы по возможности и стремились располагать свои первые пашни на еланях, на клочках луговых ландшафтов, попадавшихся в тайге (в Енисейском и Чунском районах их звали «подтаёжными местами»). В Сибири практиковалось несколько способов подготовки тайги под пашню, имевших свои сильные и слабые стороны. 1. «Классическим» оставался и в пореформенное время ручной способ: корчёвка пней от вырубленного леса исключительно при помощи мускульной силы. Способ этот был очень трудным, ² но зато весьма простым, давал сразу участки для пашни, на которых почва была минимально деформирована. 2. Выжигание, иногда применявшееся там, где древостой состоял только из хвой. Деревья валились и по ним давали несколько палов, выжигавших и верхние части корневой системы. Первые урожаи после этого были обычно очень хороши, но затем сказывалось то, что палы уничтожали органические вещества дернины: почва оказывалась сильно испорченной. 3. Подсочка для лиственных пород; стволы подрубался «кольцом» таким образом, что пересекались те каналы, по которым в стволе идёт питание; в результате деревья сохнут, причём сгнивают и их корни. Неудобство этого способа заключается в его медленности (до 10 лет). 4. Наконец, упомянем о методах машинной корчёвки, которую в нескольких случаях пыталось

А. И. Комаров. Правда о переселенческом деле. СПб, 1913, стр. 68—69 и 26.

² «Нечеловеческие усилия нужны крестьянской семье, чтобы добыть себе десятину пашни. Чтобы выкорчевать эти огромные пни, крестьяне употребляют здесь особый рычаг (так называемый лесной чѐрт)... Пни должны простоять лет 20 на корню и тогда только легко их выкорчевать без особых рычагов, прямо мотыгой, и вытаскиваются они уже легко. Но ждать 20 лет крестьянская семья не может» (И. Левитов. Ближайшие задачи русской промышленности на крайнем востоке, СПб, 1899, стр. 8).

применять Переселенческое Управление при заготовке участков в таёжной полосе.¹

Степь. Освоение таёжных земель было связано со многими трудностями; но и в степи, оказавшейся в пореформенный период важнейшим районом оседания сибирских переселенцев, они сталкивались с рядом неблагоприятных обстоятельств. В первую очередь тут надо назвать: 1) общую дефицитность влаги (неустойчивость урожаев, частые засухи, трудность обеспечить водопоем скот, приискать место для самого поселения у надёжного источника проточной воды и т. д.)²; 2) Отсутствие строительного леса. Оно остро ощущалось в момент первоначального водворения, особенно переселенцами из тех районов, где обычными были рубленые постройки; 3) Отсутствие леса для бытового топливоснабжения;³ 4) Трудность обеспечить хозяйство сенокосами, запасами кормов для зимовки скота, которые были необходимы для сохранения привычных выходцу из центральной России форм животноводства; 5) Ухудшение почвы по мере движения в глубь степи (смена чернозёма и тёмнокаштановых почв светлокаштановыми, появление всё чаще встречающихся солонцов или каменисто-гравелистых участков. В отдельных местах, например, в Прииртышье — заметное распространение песков).

Всё это создавало для переселенцев-единоличников, не имевших возможности в тогдашних социальных условиях проводить планомерно-организованное освоение степи, немало технических трудностей, хотя само по себе освоение здешних земель всё же было значительно легче, чем «врубание» в тайгу.

Сильно осложняло дело и то, что степные земли во второй половине XIX в. в значительной части и фактически и формально принадлежали кочевникам — казахам. Мы не можем касаться здесь в подробностях истории поземельно-административного устройства кочевавших в Степном крае казахов, которых в то время официально звали «сибирскими киргизами». Основные вехи её: «Устав о «сибирских киргизах» 1822 г., разработанный Сперанским, в основном упразднил ханскую власть в Среднем и Младшем жузах Казахстана. В 1831 г. в Младшем жузе была осуществлена «дистаночная» система управ-

¹ Способ этот оказался, при техническом несовершенстве корчевальных машин того времени и дешевизне труда, экономически мало рентабельным; он оправдывал себя только для наиболее крупных и «тяжёлых» деревьев, почему и считалось, что его целесообразно комбинировать с ручным способом. Большим недостатком машинной корчёвки являлась значительная деформация почвы.

² Статистики Переселенческого Управления стремились учесть причины неудачи переселения, для чего специально опрашивали двигавшихся на запад «обратных» переселенцев. Среди этих причин отсутствие или недостаток воды называли 330/0 опрошенных переселенцев, возвращавшихся из Акмолинской обл., 30% из Тобольской губ. и 27% из южных районов Томской губ. (данные за 1895—1896 гг.).

³ Сравнивая степи Сибири и степи Новороссии или Бессарабии, заселявшиеся одновременно, легко убедиться в том, что в более суровой Сибири плохая обеспеченность топливом была несравненно тяжелее.

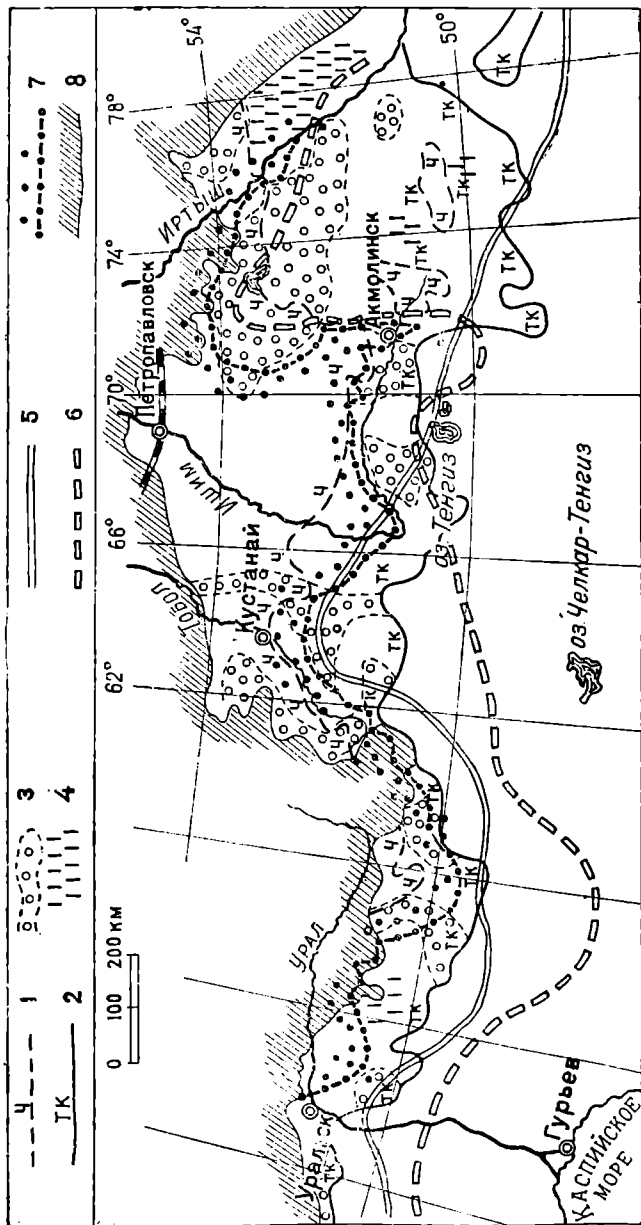

Рис. 10. Природные условия земледельческого освоения южных районов Западной Сибири (Северного Казахстана).

Условные знаки: 1. Границы чернозёма. 2. Границы тёмнокаштановых почв. 3. Комплексы солончаков и солонцов на чернозёмах и тёмнокаштановых почвах. 4. Местности, где почвы по механическому составу мало благоприятны для земледелия (границы и характеристика почв по Е. В. Лобовой). 5. Теоретическая граница зоны „нормальной земельной системы земледелия“ (по П. И. Колоскову). 6. Фактическая южная граница земледелия, достигнутая к Октябрьской революции (по И. Ф. Макарову). 7. „Передний край“ землеотводных работ Переселенческого Управления к 1914 г. 8. Современная граница Казахской ССР

ления — кочевья были разбиты на дистанции, управляемые назначенными правительством султанами. Когда подданство казахов России было закреплено и отдельные вспышки антирусского движения, спровоцированные кочевой знатью (например, восстание Кенысары Касымова 1836—1847 гг.) подавлены, царское правительство издало «Временное положение об управлении в степных областях» (1868 г.), установившее, что все занятые «киргизами» земли являются собственностью государства, но находятся в бессрочном пользовании кочевников на основе фактического владения.

Для нашей темы здесь существенно то, что правительство, с одной стороны, в принципе установило своё право распоряжаться всеми степными землями, с другой, — связало себя признанием фактического землепользования кочевников.

Следует иметь в виду, что правительство было очень непоследовательно в самом применении «Степного положения». Так в 1881 г. были изданы «Временные правила по переселению в киргизские степи сельских обывателей», в 1883 г. переселение в степь было формально приостановлено, в 1889 г. — опять допущено; а в 1891 г. правительство снова связало себя превращением «Временного положения» 1868 г. в «постоянное».

Признание фактического землепользования кочевников оказалось очень важным для хода русской колонизации степей на юге Западной Сибири. Правда, царская администрация на местах фактически в очень широких масштабах производила изъятие земель для раздачи их переселенцам, вызывая этим подчас жестокую нужду у обезземеливаемых кочевников. При этом она покровительствовала захвату лучших земель кулаками-колонистами. Однако административно-поземельное устройство, установленное «Степным положением», формально очень осложняло передачу земель переселенцам: обрекало большинство из них на долгое неопределённое положение «самовольцев», толкало их на аренду земель у туземной знати, которая пыталась извлечь из приговоров аульных обществ о допущении переселенцев выгоды лично для себя.¹

Северный Казахстан, Прииртышье и Алтайский район характеризовались в 70-х, 80-х и 90-х гг. весьма запутанными земельными отношениями. С одной стороны, быстро шло разложение старых форм коллективного использования пастбищ кочевниками-казахами и алтайцами. Сперва зимние «кстау», затем и «джайлау» и «кузау» (летовки и весенне-осенние пастбища), если не юридически, то фактически, становились частной собственностью кочевых богатеёв. Коренное население степи проходило процесс очень быстрой социально-классовой дифференциации. В оседании бедноты («джатаков») немалую роль играла их не-

¹ «Степное положение» тормозило и переход наиболее бедной части кочевников к оседлости и земледелию. Стремясь сохранить своё формальное право владения на все обширные земли кочевий отдельных «родов», главари этих родов искусственно сохраняли кочевые формы хозяйства и там, где фактически экономика уже довольно далеко отошла от этих форм.

обеспеченность скотом.¹ С другой стороны, русские переселенцы, в основном кулаки, стремились захватить именно те земли, которые уже были частично окультурены туземцами. И в «просторном», редко населённом крае возникали многочисленные земельные споры, произвольно разрешаемые чиновниками, обычно не в пользу туземцев. Неожиданно распространёнными оказывались отношения аренды, в которой переселенцы-«самовольцы» часто искали временного выхода из своего неопределённого положения. Чиновники путались в немеряной земле; в местных канцеляриях царили самые широкие злоупотребления. «Шаткость оснований, на коих покоится деятельность Акмолинской партии (землеустроительной — В. П.), вполне создаётся самими этими чинами», — писал в 1896 г. в своём отчёте председатель Комиссии для изучения работ по образованию переселенческих участков И. Тихеев. Неопределённость земельных отношений разоряла одновременно и туземцев и переселенцев.

К середине 90-х гг. проведение Сибирской железной дороги сделало Степной край особенно привлекательным для переселений. В связи с этим в 1895 г. начаты были работы особой статистико-экономической экспедиции Ф. А. Щербины, организованной Министерством Земледелия и Комитетом Сибирской железной дороги. Целью её было установление норм земельных наделов, фактически необходимых для туземного хозяйства в различных районах Степного края в «худшем» случае, то есть при сохранении чисто кочевого хозяйства. Для кибитки с 24 головами крупного рогатого скота (принятой в качестве расчётной единицы) необходимая земельная норма была определена с порайонными колебаниями от 150 до 550 десятин.

Эти исследования должны были служить как бы «экономическим обоснованием», чтобы государство могло осуществить свои принципиальные права на земли кочевников. Земли, оказавшиеся «излишними», стали рассматриваться как колонизационный фонд, обращение которого для нужд переселения могло производиться в обычном порядке органами Переселенческого управления.² Этим степь была открыта для переселений «на общих основаниях».

Дальнейший ход заселения степи был связан с проведением повторных обследований, предпринятых после 1905 г. под давлением «колонизаторских» кругов с целью пересмотреть «нормы Щербины» в связи с якобы происшедшим сдвигом туземного хозяйства в направлении оседания. Они установили значительно более низкие нормы площадей, необходимых кочевникам (от 50 до 350 дес. на хозяйство) и значительно расширили «колонизационный фонд», хотя и прежний фонд далеко не был заселён.

¹ Эти социальные отношения в среде самих кочевников хорошо описаны в вышедшей недавно книге П. В. Погорельского «Оседание кочевников и развитие животноводства» (Академия наук Казахской ССР, Алма-Ата, 1949).

² Соотношение земель, признанных необходимыми для туземцев-кочевников и «излишними», дало на обследованной площади пропорцию 17:18 млн. дес.

Одновременно усиленным темпом проводились работы по отводу (на обычных основаниях) наделов казахам, переходившим к земледелию. В этом переходе видели важный источник увеличения площади земель для колонизации. За 1905—1915 гг. в Сев. Казахстане было закреплено за казахами-земледельцами (из которых многие на самом деле имели лишь начатки земледелия) свыше 3 млн. десятин.

Лесостепь. Наиболее благоприятным участком миграционно-го театра оставалась средняя, лесостепная, зона. На западе лесостепь широко раскинулась в Алтайских предгорьях (по нашей карте районы №№ 6 и 7); восточнее она занимала большую часть Барабинской идеально гладкой равнины (район № 5) с луговыми, местами слабо солончаковыми и осолоделыми почвами, впрочем, достаточно ещё плодородными. Леса были представлены здесь главным образом берёзовыми и осиновыми колками. На стыке урманов и лесостепи в Барабе уровень грунтовых вод был высок, травостой на открытых местах — богатый. Среди трав большое место занимали злаковые. «Подурманная» Бараба имела как раз те сенокосные угодья, которых недоставало в «чистой» степи, и это делало Барабинский район особо благоприятным для развития скотоводства — не кочевого, как у казахов, а обычного «русского» типа. Некоторым препятствием для широкого земледельческого использования Барабинской лесостепи являлся избыток влаги в почве, связанный с крайней затруднённостью стока. Поэтому здесь — в сущности совсем рядом с сухой степью, где земледелие подчас испытывало потребность в искусственном орошении, — с конца XIX в. Переселенческое Управление пыталось проводить осушительные работы, заключавшиеся главным образом в искусственном улучшении стока. Однако достигнуты были лишь довольно скромные результаты, так как задача планомерного освоения территории была чужда всей экономической системе царизма. К 1913 г. из общей площади Барабинской степи около 4,5 млн. дес. мелиоративной сетью Переселенческого Управления было охвачено до 1,5 млн. дес., но непосредственно подготовлено для сельскохозяйственного использования и включено в переселенческие участки лишь 0,25 млн. дес. В сущности те мелиоративные работы, которые были в широком масштабе проведены в Барабинском районе в советское время, пришлось начинать почти сначала.

Деятельность человека привела к значительному окультуриванию ландшафта лесостепи. Там, где прошли линии казачьих укреплений и шло заселение Московского тракта, доля распаханных земель была относительно высока, населённые пункты чаще и многочисленнее. Порубки прилегающих участков тайги, палы, пастьба скота помогали светолюбивым формам растительности в их борьбе с урманной тайгой и расширяли полосу «берёзовой лесостепи».

Восточнее Барабы, в Енисейском районе (по нашей карте № 8), сплошной зоны лесостепи уже нет, но окультуренные «подтаёжные» места вдоль Сибирского тракта связывали в одну

полосу отдельные елани и изолированные «островки» лесостепного ландшафта у Ачинска, Красноярска, Канска и между Иркутском и Балаганском, где мы вправе говорить даже о своеобразной степной формации.

Особняком стояла Минусинская котловина (по нашей карте район № 10), где довольно значительные «настоящие» степные площади были окружены вплотную (почти без переходных ландшафтов) подступавшими к ним горными лесами. Кряжи разделяют всю котловину на ряд отдельных «степей» (Абаканская, Сагайская, Качинская и др.). Чернозёмы и каштановые почвы, несмотря на наличие участков со значительным развитием процессов засоления, отличаются тут высоким плодородием. Правда, суховеи и связанные с ними пыльные бури, усилившиеся в результате распахек, приводили к быстрой «порче» почв; в ряде мест уничтожалась вечная мерзлота, обеспечивавшая раньше известный минимум влаги в почве, что придавало степям «луговой характер». Тем не менее в целом природные условия значительных участков Минусинской котловины были сами по себе для переселенцев очень заманчивыми. Богатые горные пастбища тут близки от удобных для распахки мест. В. И. Ленин, хорошо знавший Минусинский уезд, неслучайно называл его «сибирской Италией».¹ Обстоятельством, несколько осложнявшим развитие земледелия, была высота 400 и более метров над уровнем моря. При сильных холодах зимой, и часто недостаточном снежном покрове, культура озимых не всегда удавалась. Поэтому переселенцы, достаточно обеспеченные землёй, долгое время сеяли почти исключительно яровые. Здесь рано стали известны и минеральные богатства — железо, медь, полиметаллы, самосадочная соль, каменный уголь и, хотя и не очень богатые, но легко реализуемые даже при самых кустарных способах разработки, золотые россыпи.² Уже в 1856 — 1860 гг. в Минусинско-Ачинском районе на золотых приисках было занято 3,8 тыс. рабочих.³

Минусинская котловина в противоположность южно-сибирским степям почти не имела туземного населения. Здесь, на древнем пути частых вторжений монгольских кочевников из района истоков Енисея, удержались лишь немногочисленные кочевья «минусинских татар», тофаларов и сойотов в горах.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 375.

² Золотые россыпи были открыты здесь в 1835 г., а в 60-х гг. здесь было более полусотни приисков. К концу столетия признаки золота были встречены в настолько большом числе мест, что значительная часть населения «занималась золотишком», как подсобным промыслом, промывая его иногда даже на своих огородах. Медные, серебро-свинцовые и железные рудники существовали ещё в XVIII в., но постепенно забрасывались (Ирбинский железорудный, Лугазский полиметаллический заводы и много мелких кустарных предприятий). Добыча самосадочной соли велась до 40-х гг. (Минусинское оз.), после чего оказалось выгоднее соль привозить (см. «Геогр. стат. словарь» П. П. Семёнова, т. III, СПб, 1867, стр. 250 — 251).

³ В. Ю. Григорьев. Перемены в условиях экономической жизни населения Сибири. Записки Красноярского подотдела Вост.-Сиб. отдела Русского Географического Общества по отд. статистики, т. I, вып. 1, Красноярск, 1904, стр. 25.

И тем не менее — таково значение географического положения! — Минусинская котловина, лежавшая уже в третьем от Урала «поясе» и при этом в стороне от магистральных путей через Сибирь, заселялась позже и менее интенсивно, чем даже менее привлекательные в природном отношении, но лежавшие западнее (или более «магистрально») пространства.

Забайкалье. Хотя в Забайкалье и были значительные лесостепные, а частично даже степные участки с плодородными серыми оподзоленными почвами, выщелоченными чернозёмами или каштановыми суглинками, значительным препятствием для развития земледелия была приподнятость местности (в долинах — на 500—1000 м над уровнем моря), делающая климат (и без того резко континентальный) довольно суровым; притом зимы здесь часто почти бесснежны.¹ Гористый характер Забайкалья приводил к затруднённости сношений, и освоение приурочивалось по необходимости лишь к небольшим разобщённым участкам по долинам. «Преобладающий долинный характер замыкал и обособливал отдельные группы населения друг от друга. С ростом населения лишь небольшая часть обособленных групп двигалась вверх по долинам, образуя новые выселки; большинство же оставалось на месте.² Забайкалец, родившийся в горах, почти не уходит далеко со своим хозяйством от сёл и деревень. Тот тип пионера тайги — заимочника, какой знает Сибирь, в Забайкалье встречается редко. Местные заимки — в большинстве «временки» (для косыбы сена и пастбы скота)».³

Заселение Забайкалья тормозилось и наличием здесь значительного бурятского населения.

Помимо земель, занятых самим бурятским населением, по положению 1853 г. о ламаистском духовенстве, дацаны (буддийские монастыри) и ламы закрепили за собой десятки тысяч десятин лучших земель. По «штату» им полагалось 21,3 тыс. дес., но есть основания думать, что фактическое землепользование их

С. П. Су с л о в пишет, что в Забайкалье «отсутствие постоянного и достаточно мощного снегового покрова делает невозможной культуру озимых хлебов и многолетних трав, например бобовых, так как их корневая система вымерзает в первую же зиму... Осенняя пахота нецелесообразна, так как при бесснежной зиме и значительной сухости воздуха вспаханное под зябь поле может лишиться последней своей влаги» («Физическая география СССР», М.-Л., 1947, стр. 288). Г. Д. Рихтер, характеризуя Забайкалье в целом, как район «малоснежный», указывает, что на юге Забайкалья снег «образует настолько маломощный покров, что значительная часть площади лишена снега». («Снежный покров, его формирование и свойства», М.-Л., 1945, стр. 100—101).

² Надо отчасти связать это и со староверческим характером многих старых забайкальских «семейских» сёл. Обстановка замкнутых богатых раскольниковых общин не поощряла к пионерству и подвижности. Декабрист М. А. Бестужев в своих воспоминаниях о ссылке в Селенгинском остроге приводит колоритные подробности о хозяйственном укладе раскольниковых поселений в забайкальской «житнице» по р. Чикюю, откуда сплавлялись плиты с хлебом и дровами для нужд забайкальских городков-острогов («Воспоминания братьев Бестужевых», под ред. П. Е. Щеголева, т. II, 1917, стр. 234).

³ Г. Ф. Ч и р к и н. Переселение и землеустройство в Забайкалье. Отчёт по служебной поездке летом 1909 г.

было выше, а «земли дацанов и лам... считались частновладельческими и в земельные наделы не включались». ¹

Примерно $\frac{2}{5}$ земель так называемого Нерчинского округа «кабинета его величества» (занимавшего почти всю восточную часть Забайкалья) было зарезервировано за кабинетом и не входило в колонизационный оборот вплоть до 1908 г., когда этот округ был формально открыт для заселения «на общих основаниях»; но и тогда отвод переселенческих участков производился с учётом «интересов кабинета». Это делало всё восточное Забайкалье в течение долгого времени как бы заповедником, где в скупых дозах размещались преступники, куда искусственно привлекались вольнонаёмные рабочие на горные разработки, но где почти не росло крестьянское население обычного для Сибири типа — своеобразной смеси старожилов-заимочников и новых переселенцев.

Переселение в восточное Забайкалье тормозило и обращение в 1851 г. почти всего осевшего здесь ранее крестьянского населения и даже наиболее обрусевшей части бурят в казаки. Земельные претензии Забайкальского Казачьего войска, земли которого были отмежёваны лишь к 1902 г., выключали из колонизационного фонда значительную, и притом лучшую, долю земель, особенно вдоль Аргуни.

Географическое положение Забайкалья влияло на темпы его заселения двояким образом. С одной стороны, Забайкалье лежало в IV, наиболее дальнем от Урала «поясе», при этом в «поясе», плохо связанном с первыми тремя (Кругобайкальская железная дорога была построена только к 1905 г., на 10 лет позже основной части сибирской магистрали). С другой стороны, оно являлось воротами Дальнего Востока, и политическое и хозяйственное закрепление России на Амуре в XIX в. шло, опираясь именно на забайкальский плацдарм. Отсюда в 50—60-х гг. проводились знаменитые «справы» войсковых и казачьих частей и крестьян-переселенцев. В ходе заселения Приамурья Забайкалье систематически отдавало колонизационные контингенты Дальнему Востоку из числа своего коренного населения. В частности, на Дальний Восток было переселено несколько тысяч забайкальских казаков. Временами, например при постройке Амурской и Восточно-Китайской железной дороги, правительство скапливало в Забайкалье крупные военные, рабочие и переселенческие контингенты и из западных районов страны для передвижения их в бассейн Амура и Уссури. Часть их при этом оседала или надолго задерживалась в Забайкалье. Без учёта этих обстоятельств трудно понять как невысокий темп увеличения населения Забайкалья, так и большую его текучесть.

¹ П. Т. Хаптаев. Бурят Монголия в период Октябрьской социалистической революции. Иркутск, 1947, стр. 9. Этот автор указывает, что число лам к 1917 г. достигало 15 тысяч. Между тем «штатные» размеры земельных участков, отводившихся ламаистскому духовенству, составляли, в зависимости от «духовного чина», от 15 до 500 десятин на каждого.

Общая экономическая обстановка земледельческого заселения. Заселение Сибири в пореформенный период совпадало с бурным развитием в России капиталистических отношений. Экономика Сибири ещё задолго до реформы 1861 г. характеризовалась наличием в ряде случаев высокой товарности. Денежное жалование служилым людям, значительные обороты с «валютной» пушшиной, развитие транзитной торговли — вот отдельные черты, которые придавали экономике Сибири специфический характер ещё в XVII и XVIII веках. Но несмотря на эти отрицательные черты хозяйство Сибири в целом было крайне отсталым. В отсталых формах развивалась и сама торговля (варварски-грабительские «расторжки» с туземцами, меновой характер кяхтинского торга, периодически-ярмарочные торговые сношения между купцами Сибири и России и т. п.). Хлебная торговля, хотя и обеспечивала перераспределение хлеба между районами Сибири, захватывала лишь небольшие хлебные избытки и не создавала единого хлебного рынка.

Только в условиях общего развития капитализма во всей стране рыночные отношения приобретают нераздельное господство в экономике Сибири. С этого момента само хозяйственное существование переселенца зависит от рыночных условий, и вся проблема переселения становится в большой степени проблемой включения сибирского хозяйства в общероссийскую капиталистическую экономику.

В пореформенное время массовые миграции населения в Сибирь в основном сводятся к крестьянским переселениям. Поэтому решающими для этих миграций становятся условия развития в Сибири сельского хозяйства. Возможность для сибирского сельского хозяйства занять должное место на общероссийском рынке — прежде всего по хлебу, а затем и по некоторым другим важнейшим видам его продукции определяет собой и силу стимулов к переселениям в Сибирь.

Мы знаем, что возделываемая сельскохозяйственная площадь в Сибири в годы усиления переселенческого движения быстро растёт. Рост посевных площадей дал при сравнении периодов 1901—1905 и 1911—1913 гг. увеличение по Западной Сибири на 58%, по Степному краю — на 138% (при росте по губерниям Европейской России всего на 5%).¹ Росла и хлебная производительность. В пятилетие, следовавшее за первой русской революцией 1905 г., средний годовой сбор всех хлебов Азиатской России (львиную долю его давала Сибирь) почти достиг полумиллиарда пудов. Это определяло возможность поступления на внешний (по отношению к Сибири) рынок 60—80 млн. пуд. ежегодно.² Фактическое поступление хлеба на сибирские ж. д. станции участка Челябинск—Ачинск для вывоза на запад составляло в 1901 г. 80 тыс. тонн, за пятилетие 1906—1911 гг. в среднем по 558 тыс. т.,

¹ В. Э. Ден. Курс экономической географии, М.-Л., 1926, стр. 165.

² Азиатская Россия, т. II, стр. 259.

в 1913 г. — 740 тыс. т. В действительности же через товарные каналы проходило несравненно больше хлеба — ведь надо учесть внутрисибирский хлебный рынок вплоть до товарных отношений в самой сибирской деревне.

Экономический эффект сельскохозяйственного производства для переселенцев определялся не столько объёмом полученной ими продукции в натуральном выражении, сколько выручкой от её продажи. Сибирские цены на хлеб — вот что приобретало важнейшее значение для процесса дальнейшего сельскохозяйственного освоения земельных просторов Сибири, а следовательно, и для хода дальнейшего заселения её. Сибирскими же хлебными ценами управляли, с одной стороны, цены русского рынка (связанные с мировыми ценами), с другой, — стоимость провоза хлеба в Россию и в западные хлебозэкспортные порты.

Расстояние, отделявшее сибирского производителя хлеба от русских потребительских рынков или хлебозэкспортных портов, получало своё экономическое отражение в виде издержек по транспортировке сибирских продуктов. От того, как велики были эти издержки, зависела сама выгодность ведения хозяйства в Сибири, а значит и размах крестьянских переселений в Сибирь.

Неудивительно, что постройка Сибирской железной дороги явилась важнейшей вехой развития сибирских переселений, притом не столько потому, что наличие дороги облегчало сами переселения, сколько в силу того, что она создавала более благоприятную экономическую обстановку сбыта хлеба, производимого в переселенческих хозяйствах. Последнее обстоятельство следует поставить на первое место, отнеся на второе — общее оживление экономики Сибири, достигнутое в результате постройки железной дороги, и лишь на третье — само облегчение переселений, хотя применительно к нашей теме существенно интересен и этот момент, на котором мы и остановимся дальше.

«Проблема преодоления пространства», острая для экономического развития Сибири с тех пор, как она вошла в состав Русского государства, особенно обострилась в период развития капитализма, включившего в круг сибирского товарооборота раньше слабо участвовавшие в нём громоздкие массовые продукты. Но социальный строй царской России был способен обеспечить, притом со значительным запозданием, лишь крайне недостаточное и одностороннее разрешение этой проблемы, к тому же извращавшееся классовыми противоречиями.

Постройка Сибирской дороги, о необходимости которой твёрдо утверждали многие передовые люди того времени, явилась не результатом правильно понятых потребностей развития самой Сибири, а одним из средств осуществления затеянных царским правительством империалистических авантур на Дальнем Востоке. Трасса дороги проводилась без должного учёта интересов заселения и сельскохозяйственного освоения Сибири. На значи-

¹ «Проблема сибирской сверхмагистрали». Сб. под ред. Г. М. Крижановского. Плановое хозяйство, М., 1928, стр. 2—3.

тельных участках она прошла севернее, чем следовало по соображениям развития Сибири. Когда дорога только вступала в строй, разгорелась жестокая борьба вокруг хлебных тарифов.

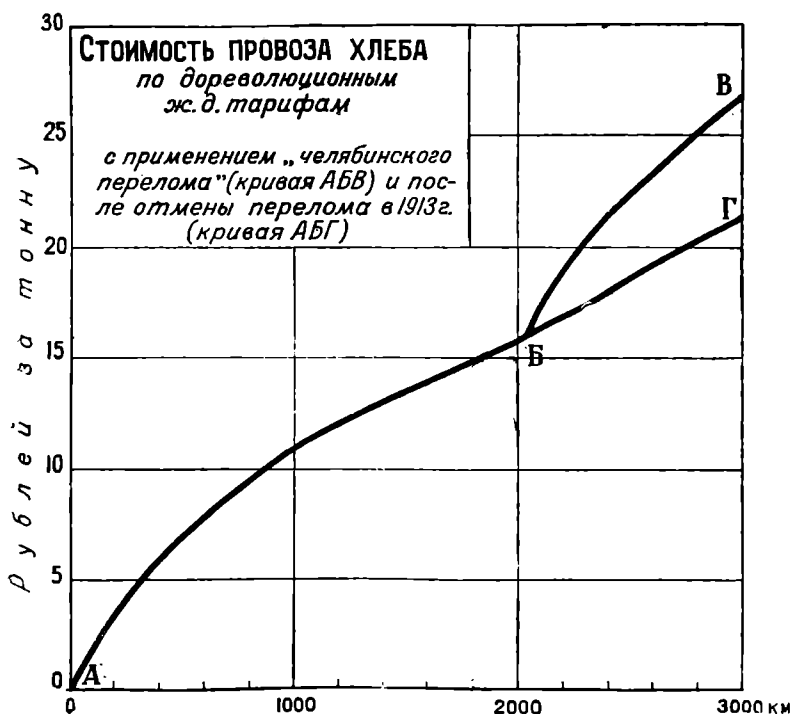

Рис. 11

Грузовые тарифы на русских железных дорогах были дифференцированы по расстояниям: при провозе на далёкое расстояние ставка с каждого километра уменьшалась. Помещики-землевладельцы Европейской России стремились удержать внутренние и экспортные цены на хлеб на высоком уровне, поэтому они были заинтересованы в том, чтобы сибирские хлеботорговцы не могли «сбить» эти цены, используя относительную дешевизну «далёкого» тарифа. По их настоянию в 1897 г. в тарифную систему на перевозки хлеба было введено искусственное дополнение: установлен так называемый «челябинский перелом» тарифа, по которому для хлеба, шедшего из Сибири, тариф исчислялся до Челябинска и после него раздельно. От Челябинска расстояния начинали отсчитываться заново, совершенно таким образом как будто доведённый до Челябинска груз был здесь выгружен, сдан адресату и затем снова отправлен на запад. Благодаря этому перевозки хлеба на расстояния свыше 2134 км были лишены преимуществ более дешёвого тарифа за дальность провоза. Это был прямой удар по сибирскому крестьянину-хлебопроизводителю,

так как сибирский хлеботорговец перекладывал удорожание перевозки на плечи крестьянина, которому он мог диктовать цены. Конкретно переплата за «перелом» тарифа составила для сибирского хлеба от 4 руб. 88 коп. до 6 руб. 10 коп. с тонны. В 1901 г. была введена новая тарифная схема, ещё несколько увеличившая транспортные издержки при провозе хлеба в Европейскую Россию из районов, лежащих к востоку от Новосибирска.

Насколько «угроза» снижения хлебных цен вследствие поступления хлеба из Сибири была для российских аграриев реальной, видно из того, что, даже несмотря на эти рогадки в отдельные годы хлеб, прибывавший в Москву с расстояния свыше 2134 км (то есть из Зауралья), составлял по данным транспортной статистики до 15—17% от общего подвоза (для Петербурга до 12%).¹

Только с 1910 г. сопротивление аграриев было сломлено. Царское правительство, заинтересованное в усилении хлебозэкспорта, решило отменить челябинский тарифный перелом; но характерно, что отмена его затянулась на 3 года, удешевление провоза вводилось постепенно. В 1911 г. переплаты были уменьшены на 40%, в 1912 г. — на 70% и лишь в 1913 г. перелом был вовсе упразднён.

Характерна также робкая попытка обеспечить экспорт сибирского хлеба, как бы в обход внутреннего рынка, путём постройки ж. д. линии Пермь — Вятка — Котлас, рассчитанной на то, чтобы направить хлебный поток через Северную Двину и Архангельский порт непосредственно на экспорт. Попытка эта не дала почти никаких результатов. Путь на Архангельск, хотя на нём и не применялся челябинский перелом, оказался нерентабельным из-за многих перегрузок,² из-за дорогих фрахтов на Архангельск и короткой навигации по Белому морю. Перед первой империалистической войной хлеб составлял всего лишь около 4% экспорта Архангельского порта.³

Не раз ставился также вопрос о вывозе хлеба из Сибири через устья сибирских рек, но, как известно, царское правительство было неспособно серьёзно обеспечить плавание Северным морским путём.

Таким образом антагонистически-классовые социальные отношения в царской России периода развития капитализма создавали серьёзные препятствия для экономического развития Сибири даже в качестве аграрной окраины.

Большой интерес представляет тот частичный выход, которым крестьянство заселяемых районов Сибири ответило на неспособность царского правительства разрешить для Сибири проблему

¹ Историю борьбы вокруг «челябинского перелома», очень ярко отражавшего классовую политику царского правительства, подробно изложил А. Ф. Зайцев (Очерки по истории ж. д. тарифов в СССР, т. I, Хлебные тарифы, М., 1925).

² Участок ж. д. Тюмень—Омск до 1913 г. ещё не существовал, и хлеб до Тюмени надо было тянуть также водой.

³ В. В. Покшишевский. Архангельск. Экономико-географический очерк. Изв. Всесоюзн. Географ. Общ., 1941, № 1.

пространства. Мы имеем в виду развитие сибирского маслоделия. Скармливая зерно скоту, можно было «превратить» хлеб в молоко, а молоку придать транспортабельную форму масла. Вывоз масла из Сибири,—особенно из тех её районов, прилегающих к Барабе, которые, как мы видели, располагали и значительными естественными кормовыми ресурсами для животноводства, — игравший и до постройки Сибирской ж. д. известную роль, стал быстро расти. За 1901—1910 гг. он увеличился почти вдвое, достигнув 4,3 млн. пуд.; в 1912 г. одного экспортного масла из Тобольской и Томской губерний было вывезено почти 4,5 млн. пуд. — на 68 млн. руб.¹ Львиную долю выгод от развития маслоделия получали скупщики и крупные кулацкие хозяйства, но всё же оно являлось во многих районах Сибири значительной поддержкой и для хозяйства рядовых переселенцев.²

Приток неземледельческого населения. Выше мы подходили к общим экономическим условиям заселения Сибири с точки зрения земледельческой колонизации, имея в виду господство в пореформенное время именно крестьянских переселений. В 1911 г. в Сибири (без Дальнего Востока, но со Степным краем) жило 8,6 млн. русских и украинцев, в том числе в городах всего 0,95 млн. жит. Неземледельческая колонизация имела гораздо более скромное значение, чем земледельческая. Развитие большинства сибирских городов лишь отражало рост земледельческого населения соответствующих местностей, для которых они делались экономическими центрами. Некоторые города представляли собой уже давно сложившиеся торговые и административные центры, увеличивающееся значение которых было опять-таки косвенно связано с общим земледельческим подъёмом Сибири. Хорошим примером города, в котором были совмещены черты и того и другого, может служить Новосибирск. Только в 1894 г. здесь возник в связи со строительством железной дороги посёлок Гусевка; к 1897 г. в нём было 7,8 тыс. жит., а через 20 лет в выросшем из него городе уже стало 70 тыс. жит. Городом Новосибирск (тогдашний Ново-Николаевск) объявлен уже с 1903 г. Стремительный рост его опирался на приток населения из окружающей густозаселённой округи, на развитие торговли и отчасти промышленности по переработке сельскохозяйственного сырья, на транспортные функции (перевалка грузов с Оби на железную до-

¹ Азиатская Россия, т. II, стр. 332.

² Маслоделие объединило десятки тысяч сибирских крестьянских хозяйств в артели. В условиях дореволюционной России создание многих сотен крестьянских кооперативов, которые пытались вести борьбу с оптовиками—скупщиками масла, было выдающимся фактом. К 1911 г. в Тобольской и Томской губерниях было 1319 кооперативных маслодельных заводов—лишь немногим меньше, чем частных (1784). Некоторые из них перерабатывали по 100—180 тыс. пуд. молока в год (Азиатская Россия, т. II, стр. 336 — 337, 333). Разумеется, социальная природа этой кооперации оставалась в то время капиталистической, тем более, что кооперативами заправляло в большинстве кулачество. Тем не менее развитие сибирских маслодельных артелей очень характерно, как попытка более зажиточной части сибирского крестьянства выйти на «американский» путь развития капитализма, в то время как царское правительство толкало страну на «прусский» путь.

рогу). Однако по темпам своего роста Новосибирск был для пореформенной Сибири исключительным и поэтому нехарактерным случаем. В подавляющем большинстве города Сибири, даже достаточно крупные, росли медленно. Показательно, например, что население даже наиболее важного экономического и культурного центра Сибири — Иркутска, который в 1897 г. имел 51,5 тыс. жителей, в 1912 г. не достигло ещё 100 тыс. жителей (98,8 тыс. чел.). В 90-х гг. XIX века число рабочих Иркутска определялось примерно в 4 сотни — почти в 10 раз меньше, чем ремесленников.¹

Незначительная роль городов в поглощении мигрировавшего в Сибирь населения связана с общеизвестной промышленной неразвитостью Сибири. В 1908 г., по данным фабрично-заводской статистики, губернии Тобольская, Томская, Енисейская, Акимовская, Семипалатинская и Иркутская и Забайкальская область сосредоточивали всего лишь:²

		В ‰ от соотв. показателей по всей империи
Число предприятий	500	2,5
рабочих в них (в тыс.)	20,8	1,0
Сумма производства в млн. руб.	60,3	

Эти цифры показывают не только то, что промышленность Сибири была вообще слабо развита, но и то, что в этой промышленности преобладали мелкие предприятия. Доля Сибири по стоимости производства была выше, чем по числу рабочих; но это объяснялось не более высокой производительностью труда (которая была, наоборот, очень низка, так как сибирская промышленность являлась технически крайне отсталой), а отраслевым составом её: преобладанием переработки с. х. сырья (винокурение, мукомолье, маслоделие и проч.) и значительным удельным весом добычи золота.

Для развивавшейся капиталистической промышленности России Сибирь являлась аграрной колонией, и она не была заинтересована в развитии сибирской промышленности. К Сибири этого пери-

¹ Ф. А. Кудрявцев и Е. П. Силин. Иркутск. Очерки по истории города, Иркутск, 1947, стр. 146. Для характеристики экономической неразвитости Иркутска мы сгруппировали некоторые категории самодельного населения, зарегистрированные переписью 1897 г. (всего это население насчитывало 28,3 тыс. чел.). Вот какие группы (по источнику существования) являются типичными: чиновники (администрация, полиция, почта и пр.) — 1,24 тыс. чел., пенсионеры и рантье — 3,78 тыс., торговля (кроме питейной) и кредит — 1,79 тыс., железнодорожный и водный транспорт занимали всего 0,22 тыс., зато извоз — 0,87 тыс. «Лишённых свободы и отбывающих наказание» насчитывалось 408 чел., трактирщиков, персонала гостиниц, лиц, занятых в «питейной торговле» и проституток значилось 477; попов и монахов было 352, военных — 2,81 тыс. Сравнительно много народа имело средством существования земледелие — 1,06 тыс. чел. Из общего населения города в 51,5 тыс. чел. уроженцами Иркутской губернии являлось 33,7 тыс. чел. (Перепись 1897 г., т. LXXV, 1904, табл. VI. XXI).

² Динамика российской и советской промышленности за 1887—1926 гг., т. I, II, М., 1929.

ода можно смело отнести следующую оценку В. И. Ленина, объясняющую, почему на аграрных окраинах крайне замедленно шло развитие промышленности: «степные окраины были в пореформенную эпоху к о л о н и е й центральной, давно заселённой Евр. России. Обилие свободных земель привлекало сюда громадный приток переселенцев, которые быстро расширяли посевы. Широкое развитие т о р г о в ы х посевов было возможно только благодаря тесной экономической связи этих колоний, с одной стороны, с центральной Россией, с другой стороны—с европейскими странами, ввозящими зерно. Развитие промышленности в центральной России и развитие торгового земледелия на окраинах стоят в неразрывной связи, создают взаимно рынок одно для другого... Только благодаря этому общественному разделению труда поселенцы в степных местностях могли заниматься исключительно земледелием». ¹

Горные разработки создали в Сибири лишь единичные и сравнительно немногочисленные очаги притяжения населения, к тому же лежавшие в большей части за пределами рассматриваемого нами «основного» миграционного театра (Ленские золотые прииски, прииски по среднему течению Енисея, прииски бассейна Амура).

Что касается Алтайского горнопромышленного района, то он, после отмены крепостного права, дававшего раньше казённым заводам даровой принудительный труд крестьян, быстро пришёл в упадок. Большинство заводов стало свёртывать своё производство, а затем было закрыто ²; население их разошлось. Так в Салаире было в 1858 г. 3,4 тыс. жит., а в 1888 г.—только 0,8 тыс. ³ Перед самой Октябрьской революцией на Алтае усилилась деятельность концессионеров, но они не смогли поднять горное производство. Возрождение Алтая, как сокровищницы недровых богатств, целиком относится уже к советскому времени. Небольшие работы, проводившиеся концессионерами, главным образом по добыче россыпного золота, не привлекали пришлого населения, так как в густозаселённом к этому времени Алтае концессионеры легко находили местные рабочие руки.

Добыча углей началась в Кузбассе (Анжеро-Судженск с 1897 г., Кольчугино лишь перед самым началом первой мировой войны) и в Черемхово (с конца 90-х гг.). Уголь шёл почти исключительно для нужд Сибирской ж. д. и добыча его была невелика; к 1913 г. она достигла в Кузбассе 0,8 млн. т., в Черемхово 0,5 млн. т. ⁴ Такой незначительный объем угледобычи позволял обходиться на мелких полукустарных шахтах местной рабочей силой и не вызывал сколько-нибудь значительного стягивания населения в центры угледобычи, а тем более—притока рабочего

¹ В. И. Ленин, Соч., т. III, стр. 194.

² Томский завод в 1864 г., Гавриловский и Салаирские рудники в 1897 г., Гурьевский—в 1908 г.

³ К. И. Спидченко. Города Кузбасса, М., 1947.

⁴ А. Е. Пробст. Основные проблемы географического размещения топливного хозяйства СССР, М., 1939, стр. 32—33.

населения из Европейской России. Население Анжерки и Судженки—двух посёлков, в которых добывался почти весь кузнецкий уголь, составляло всего около десятка тысяч человек, причём в большинстве это были жители соседних или оказавшихся на территории посёлка деревень.

Но в сущности и те очаги горной промышленности, которые возникали в совсем почти незаселённых местах, также приводили лишь к временному притоку, главным образом, местного, сибирского же населения, лишь в слабой степени вызывая движение из Европейской России. Даже создавший подобие «золотой лихорадки» Бодайбинский район опирался в основном на сибирские кадры. Число рабочих золотой промышленности на Лене достигало в отдельные моменты довольно внушительных цифр. Так в 1912 г. здесь было более 13 тыс. рабочих.¹ Однако преобладали среди них сибиряки, да к тому же работа на приисках не создавала прочной оседлости. И. П. Шарапов на основании архивных документов устанавливает, что в 90-х гг. около $\frac{3}{4}$ рабочих являлось сибиряками.² И сибиряки и «пришлые» были, как правило, бедняками. Вот что говорят приводимые этим автором данные опроса 3,7 тыс. сибиряков и 2,2 тыс. «пришлых», произведённого санитарным врачом Е. Н. Кореневым:

	Было в ‰ среди	
	сибиряков	пришлых
Безземельных и с наделом		
до 1 дес.	. 18,9	52,2
С наделом 1—2 дес.	. 21,5	32,8
Безлошадных	25,3	42,0
Имеющих 1 лошадь .	24,9	26,3
Бескоровных .	. 24,3	42,1
Имеющих 1 корову	29,5	37,5

Из «пришлых» (выходцев из Европейской России) $\frac{2}{3}$ работало на приисках лишь один сезон, так как «золотые горы» оборачивались не слишком привлекательной стороной. Среди попадавших на прииски рабочих было очень мало женщин (менее $\frac{1}{5}$), что ещё раз говорит о временном характере работы.

✓ **Размеры переселенческого движения.** Численный объём «перелива» населения в Сибирь, происходившего в пореформенный период, определить не так просто. Несмотря на то, что уже, начиная с 80-х гг., велась регистрация переселенцев³ (с 90-х гг. она значительно совершенствуется и результаты её систематически разрабатываются по весьма детальной программе), этими,

¹ Ф. А. Кудрявцев. Дневник ленской забастовки 1912 г., Иркутск, 1938.

² И. П. Шарапов. Очерки по истории ленских золотых приисков, Иркутск, 1949.

³ Ниже мы покажем, что масштабы движения до 80-х гг. были настолько невелики, что точной оценкой их за этот отрезок времени можно было бы пренебречь.

казалось бы, точными, специально собранными данными можно пользоваться лишь очень осторожно.¹

Регистрация переселенцев была приурочена к немногим «входным» в Сибирь железнодорожным пунктам, не учитывала распылённого движения по трактам и просёлочным дорогам. Она производилась сперва в Тюмени, а затем в Челябинске и не охватывала железнодорожного движения в Тургайскую и отчасти в Акмолинскую области через Оренбург. Регистрировались только «официальные» переселенцы (позже в их число включались и «самовольцы»). Те, кто попадал в Сибирь помимо переселенческих партий, не включались в публикуемые цифры, которые таким образом в лучшем случае могли дать представление об объёме собственно сословно-крестьянского переселения.

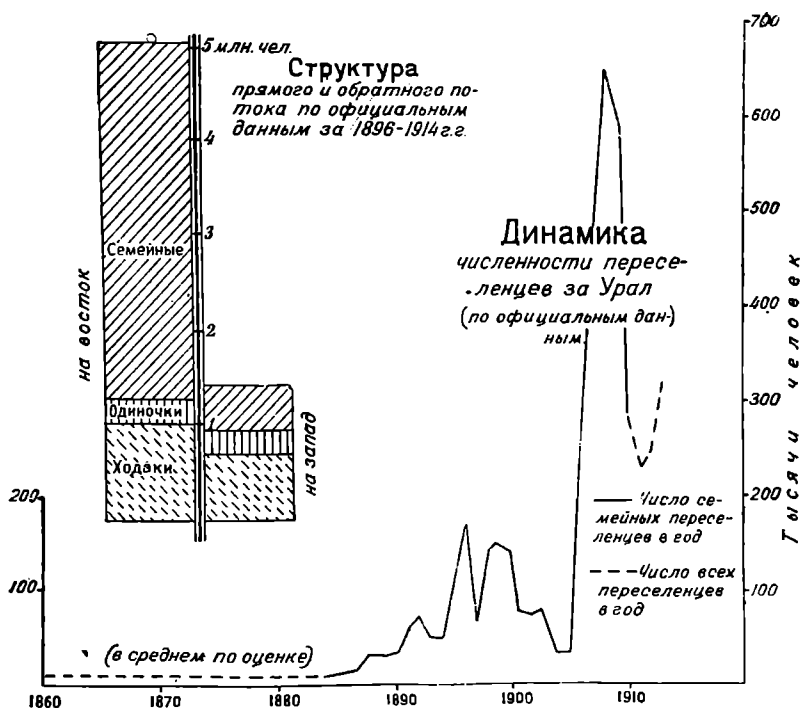

Рис. 12

«Обратничество», по мере того как в переселенческое движение втягивались наиболее разорённые слои крестьянства, давало весьма высокие цифры, что настойчиво отмечалось в революционной печати, разоблачавшей лицемерный оптимизм официаль-

¹ Для дальнейшего использованы данные официальной статистики, а также самостоятельная разработка Турчанинова и Домрачева «Итоги переселенческого движения», т. II, 1916.

ных данных Переселенческого Управления. Между тем, нельзя надеяться на надлежащую корректировку путём простого вычитания обратного движения из прямого: учёт обратных переселенцев, многие из которых пробирались домой в одиночку, иногда проскитавшись в Сибири ряд лет, был менее полным, чем переселенцев прямых, шедших крупными партиями, заинтересованных в регистрации в интересах получения путевых иссуд, льготного питания и т. д. Число прошедших в «прямом» направлении переселенцев, число водворённых в Сибири и число учтённых «обратных» совершенно «не сходятся».² Вопрос осложняется и тем, что в числе водворяемых в любой год находятся прибывшие годом, а то и несколькими годами раньше.

Так как в число регистрируемых попадали и лица, использовавшие переселенческие льготы (например, в части тарифа) для проезда на временную работу, многие авторы считают, что «настоящими» переселенцами были только семейные, шедшие в Сибирь с намерением устроиться там на постоянное жительство.³ Но, отбрасывая вовсе всех одиночек, мы преуменьшим объём движения (хотя и не на много, так как число одиночек составляло в общей массе переселенцев по данным 1896—1914 гг. лишь около 5%). Наконец, статистику запутывали ходоки, которые учитывались отдельно, но, видимо, тоже частично оседали в Сибири.⁴

Ещё меньше можно опираться на официальные цифры водворения, которые по существу могли бы представить для нас наибольшее значение, поскольку нас интересует фактический ход заселения, вызывавший и соответствующие экономико-географические последствия в виде освоения территорий. В осуществлении водворения правительственные органы катастрофически отставали от запросов жизни.⁵ Бесплодное ожидание водворения часто кончалось тем, что переселенцы, особенно «самовольные», сами добивались водворения путём приписки к одному из старожиль-

¹ «...упадок числа переселенцев, — писал Ленин в 1913 г., после того, как «пик» 1909 г. схлынул, — при невероятном росте числа «обратных» — 360/0 и 60% — означает, без всякого сомнения, кризис и притом чрезвычайно серьёзный, охватывающий неизмеримо более широкую арену» (Соч., т. XVI, стр. 374). «Разорённые, обнищавшие, голодные массы... метнулись на переселение (1907—1909 гг.) и — дали, наконец, 60% обратных переселенцев, то есть разорились и озлобились ещё больше» (Соч., т. XVI, стр. 387).

² Например, за 1901—1908 гг. по официальным данным прошло в прямом направлении 1552,4 тыс. переселенцев, водворено в Сибири 564,0 тыс., учтено обратников 285,0 тыс. чел. — «баланс» отсутствует. Сравни комментарии В. И. Ленина к выступлению в Гос. Думе с.-д. депутата А. А. Войлочникова (В. И. Ленин. «Переселенческий вопрос», Соч., т. XV, стр. 524—532).

³ Так поступали, например, И. Л. Ямзин и В. П. Вошинин, считавшие, что одиночки — «элемент в колонизационном смысле не очень прочный в смысле твёрдости желания осесть на водворение» (Учение о колонизации и переселениях, М.-Л., 1926, стр. 31).

⁴ За 1896—1914 гг. их зарегистрировано в восточном направлении 1025,4, в западном — только 723,2 тыс. душ.

⁵ В 1911 г. в Сибири было до 1 млн. неустроенных переселенцев. (И. И. Попов. Переселение крестьян и землеустройство Сибири, Великая реформа, т. VI, стр. 255—256).

ческих обществ, иногда — путём основания вольных заимок и т. д. Подобные случаи в официальный учёт не попадали вовсе или попадали со значительным опозданием.

Поэтому для определения конечного объёма переселений в Сибирь приходится пользоваться всей совокупностью данных как прямых, так и косвенных.¹ При этом мы можем рассчитывать получить в итоге лишь приближённые величины; впрочем, нам нет необходимости добиваться точных цифр, ведь мы подходим к теме переселений не с позиций статистики, а географии.

Исходя из всей совокупности данных, общий объём миграций в Сибирь (в губернии: Тобольскую, Томскую, Енисейскую и Иркутскую и области Забайкальскую, Акмолинскую и Тургайскую²) за период 1861 — 1914 гг. мы определяем величиной, несколько превышающей четыре миллиона человек. Основанием для этого является следующее.

✓ Численность населения Сибири составляла накануне реформы 3986,5 тыс. чел.³ В 1897 г. население Сибири в указанных выше границах составило 6253,2 тыс. чел., а за вычетом коренных «инородцев» — около 4,9 млн. чел. Если предположить, что численность «инородцев» была на протяжении этого периода стабильной или росла очень незначительно, численность пришедшего из России населения в Сибирь к моменту реформы определится, приблизительно, в 2 млн. чел. К 1911 г. число русского населения Сибири с украинцами и белоруссами составляло по официальным данным 8,59 млн. чел.⁴; прочие национальности, пришедшие из России (евреи, латыши, литовцы, эстонцы, поляки,

¹ Исключительную ценность, разумеется, имеют цифры переписи 1897 г., дающие число неместных уроженцев с указанием губерний рождения. Эти данные, будучи по смыслу косвенными, дают вместе с тем прямую «фотографию» результатов миграций в полном их объёме, включая даже временно и случайно находящееся в Сибири население. К сожалению, эту «фотографию» мы имеем только для одного момента, при этом совпадающего как раз с «срединой» разворота пореформенного миграционного процесса.

² Иммиграция в Якутскую область была ничтожной и может быть вовсе сброшена со счетов; эта область даже не входила в сферу деятельности Переселенческого Управления. Заселение Амурской и Приморской областей и Семиречья шло «через» Сибирь, служившую для этих районов «транзитной» областью и отчасти отдававшую им и собственное население; впрочем, на баланс населения Сибири эта отдача не могла значительно влиять по своей несоизмеримости с притоком переселенцев с запада. Что касается Тургайской области, то заселялся главным образом её северо-восточный угол (район Кустаная), который по совокупности природно-географических условий и условий хозяйственного тяготения приходится рассматривать вместе с Сибирью.

³ Без Дальнего Востока и Якутской области, но с включением областей «сибирских киргизов» и «киргизов Оренбургского ведомства» Центрального и отчасти Южного Казахстана и Южного Приуралья, то есть в объёме несколько большем, чем Сибирь в собственном смысле. Данные взяты в «Статистических таблицах Российской империи», вып. II, наличное население за 1858 г. Сост. А. Бушен (Центральный статистический комитет, СПб. 1861).

⁴ Население 1911 г. здесь и дальше — по «Азиатской России», т. 1, стр. 86—87.

кавказцы, немцы и т. д.), составляли до 300 тыс. чел. Всего, следовательно, пришлое население увеличилось с момента реформы:

К 1897 г. — на 2,9 млн. чел.

К 1911 г. — на 6,9

За 1897—1911 гг. — на 4,0

Темп переселенческого движения в общем сильно возрастал. Годовое число переселенцев колебалось в 60-х — 70-х гг. около 10 тыс. чел., в 80-х гг. между 20 и 30 тыс. чел., в 90-х гг. не опускалось ниже 50 тыс. чел., поднимаясь в отдельные годы почти до 200 тыс. чел., в 900-х гг. держалось систематически, кроме годов русско-японской войны, на уровне нескольких сот тыс. чел. Максимум движения пришёлся на 1908 г. (758,8 тыс. переселенцев и ходоков). Это надо учесть при отнесении части увеличения «пришлого» населения на счёт естественного прироста. Из увеличения численности «пришлого» населения за 39 лет (1858 — 1897 гг.) на 2,9 млн. чел. на долю механического притока падало, вероятно, до 1 млн. чел.¹ За 14-летний период 1897 — 1911 гг., когда «пришлого» население выросло на 4 млн. чел., механический приток составил, вероятно, почти 3 млн. чел. Имея в виду ещё 1911—1914 годы, мы можем полагать, что наше предположение об общем объёме миграций за 1861—1914 гг., несколько превышающем 4 млн. человек, достаточно правдоподобно.²

¹ По переписи 1897 г. в Сибири числилось 1358,7 тыс. чел. «неместных» уроженцев, то есть уроженцев не тех губерний, где они проходили перепись. Из этого числа следует исключить уроженцев сибирских губерний (почти 200 тыс. чел.), воинские контингенты, расквартированные в Сибири и в основном состоявшие из уроженцев «русских» губерний, а также часть ссыльных, находившихся в Сибири временно. В результате приходим примерно к той же цифре около 1 млн. чел. притока населения за предшествовавший почти 40-летний период.

² Правдоподобие этого расчёта может быть проверено обратным путём — определением того, каким должен был быть естественный прирост, чтобы при предположенном нами механическом притоке получились результативные цифры, полученные путём переписи или учёта. Пользуясь обычной формулой роста по сложным процентам $lg A = lga + t \cdot lg(1 + r)$, мы произвели определение годового естественного прироста. Для периода 1858—1897 гг. мы подставляли в эту формулу следующие значения: $A = 3,9$ млн. чел., $a = 2,0$ млн. чел., $t = 38$ лет; для периода 1897—1914 гг. $A = 5,9$ млн. чел., $a = 4,9$ млн. чел., $t = 14$ лет. Величина « r » (естественный годовой прирост в ‰) составила в первом случае 1,95‰, во втором 1,37‰. В действительности прирост должен был быть несколько ниже, так как его абсолютную величину нельзя относить к начальной численности населения ввиду происходившего механического притока, ежегодно увеличивавшего величину « a ». «Прямые» исчисления естественного прироста, которые служат для нашего расчета контролем, имеются лишь для последних годов. А. Г. Рашин исчислил этот прирост для 1901—1913 гг. в 1,84‰ (Вопросы географии, сб. 20, М., 1950, стр. 119); Н. Турчанинов даёт для 1910 — 1911 гг. цифру в 1,94‰ по собственно Сибири и 1,89‰ по оседлому населению Степного края. Порядок принятых нами цифр соотношения естественного прироста и механического притока, таким образом, вполне правдоподобен. На большую точность проверки здесь трудно претендовать, так как для этого надо было бы учитывать погодно изменяющуюся базисную величину « a », а при желании добиться ещё большей точности — также погодно меняющуюся возрастную структуру населения, соотношение полов, удельный вес населения в брачном возрасте и т. п., то есть располагать таким кругом показателей, которого статистика нам не даёт. Но поскольку и механический приток населения нас интересует лишь в грубо приближённых величинах, приведённая проверка нас устраивает.

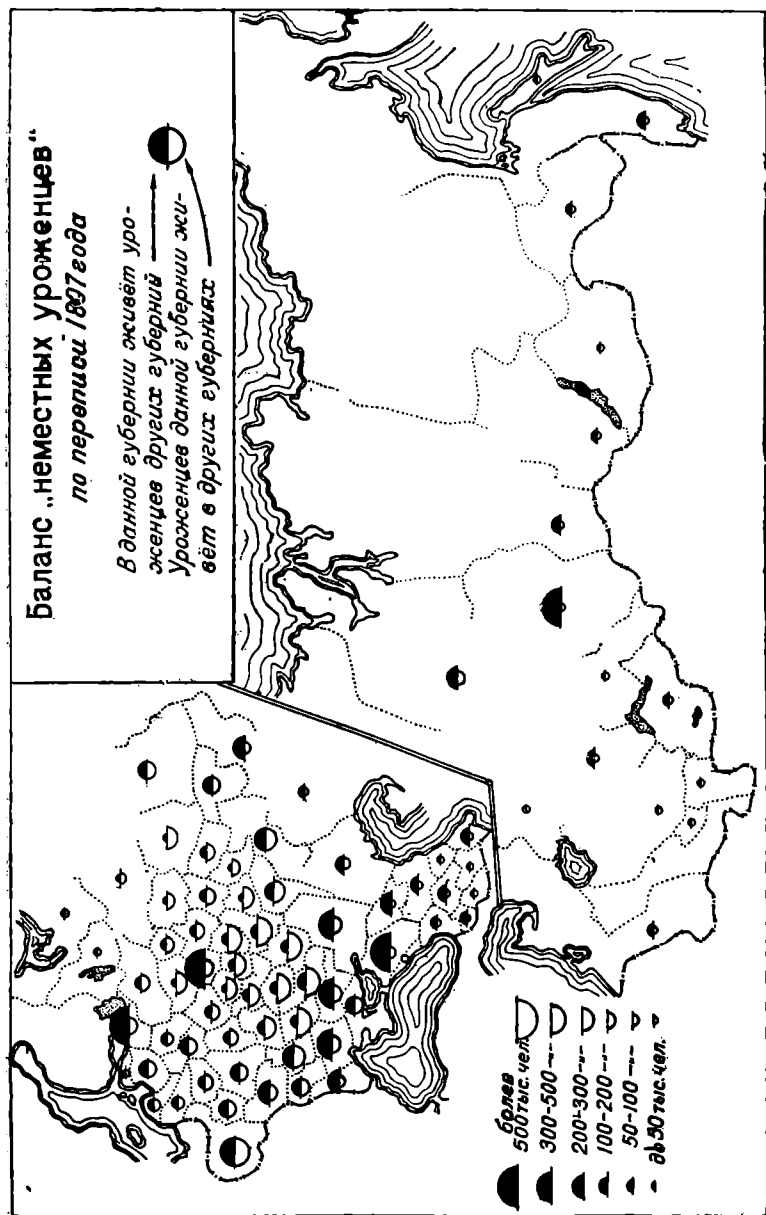

Рис. 13

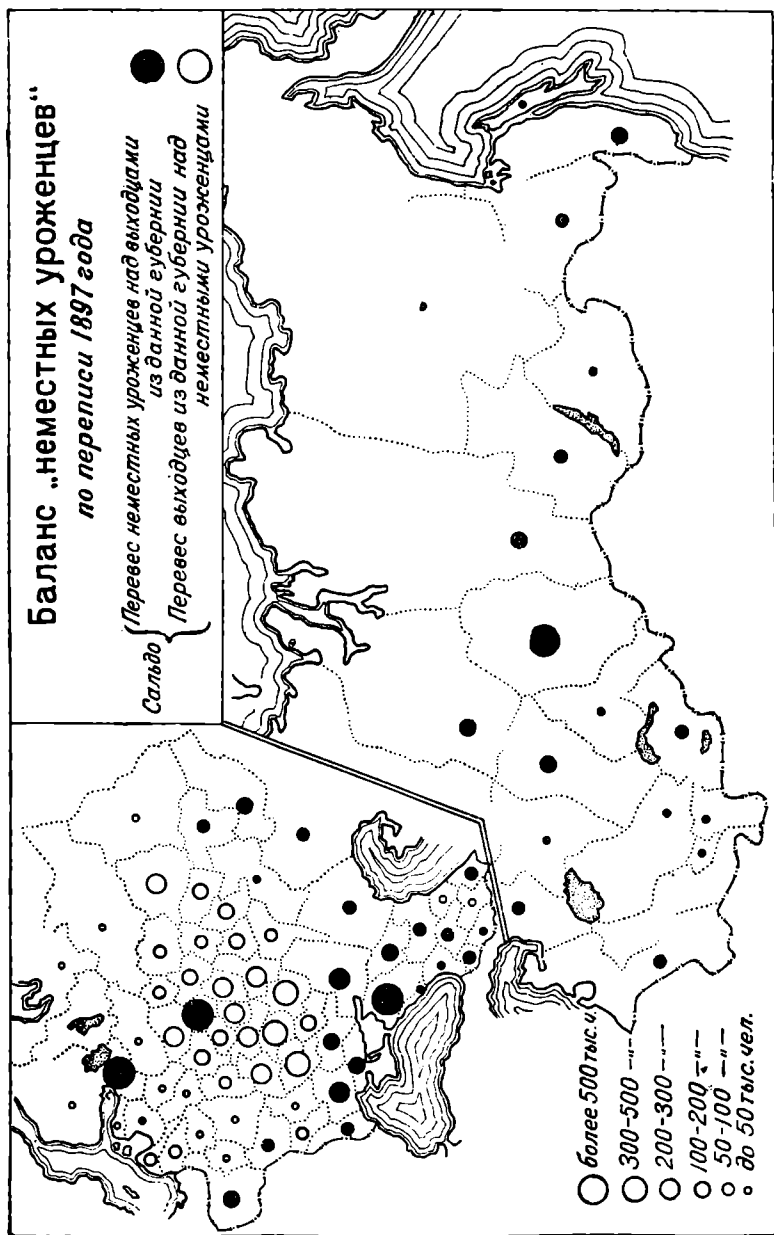

Рис. 14

По данным официальной статистики за 1885—1894 гг.¹ через Урал перевалило в «прямом» направлении 367,4 тыс. семейных переселенцев, за 1895 — 1904 гг. — 1106,3, за 1905 — 1914 гг. — 2906,4 тыс. чел. За 1861—1884 гг. общий объём переселения приблизительно определялся официальными источниками в 300 тыс. чел.² Всего, следовательно, через Урал в пореформенный период прошло 4680 тыс. семейных переселенцев. Из них часть шла «транзитом» на Дальний Восток и в Семиречье. Скидывая на эту часть кругло до 0,5 млн. чел.³, получаем численность семейных переселенцев Сибири, приблизительно, в 4,2 млн. чел. Сюда следовало бы добавить, во-первых, переселенцев-одиночек и осевших в Сибири ходоков, во-вторых, приток населения в сибирские города, выросшие за это время с 0,2 до 1,1 млн. чел., то есть в значительной степени за счёт механического притока, в-третьих, население, пришедшее на прииски, на железнодорожные станции и т. д. С другой стороны, следовало бы вычесть обратный поток неустроившихся в Сибири переселенцев. За 1896—1911 гг., в течение которых велась сравнительно полная регистрация «обратных» переселенцев, «обратничество» официально оценивалось в 27%. Анализ этих цифр позволяет считать, что «обратничество» и разница между полным объёмом «прямого» движения и объёмом семейного переселенческого движения приблизительно компенсировались.

Сплошные данные о водворении имеются начиная с 1893 г. За 1893—1912 гг. в пределах тех областей, применительно к которым мы ведём весь расчёт, было водворено 3129,2 тыс. чел. За время до 1893 г. в Сибирь попало до 600 тыс. переселенцев, а если исключить обратников (доля которых в это время была ниже)—до 0,5 млн.; если считать всех их водворёнными, общее число водворённых до 1912 г. превысит 3,5 млн. Но часть обратников составлялась из переселенцев, прошедших через этап водворения, поэтому фактически оставшееся в сёлах число переселенцев было несколько меньше; с другой стороны, нам известно, что в Сибири всегда находилось довольно значительное число⁴ переселенцев, находившихся ещё в стадии водворения или устривающихся самостоятельно, обходя этап формального водворения.

Итак, с какой бы стороны мы не подходили к общему итогу, он довольно ясно обозначается вблизи той величины, которую мы назвали. Можно даже попытаться расчленить эту величину: вероятно, 3,8—3,9 млн. чел. пришлоgo населения осело за поре-

1894 год составил своего рода хронологическую грань. Начиная с этого времени уже в полной мере сказывается вступление в строй Сибирской ж. д. магистрали. Западный участок её (до Оби) был открыт в 1895 г. Временное движение до Омска началось на год-полтора раньше.

² «Переселение в Сибирь», изд. Переселенческого Управления, СПб, 1906.

³ Русское сельское население дальневосточных областей и Семиреченской области составило в 1911 г., когда оно частично увеличилось за счёт естественного прироста, несколько более 600.000 чел.

⁴ В отдельные годы, — для некоторых губерний, — до 100 более тысяч.

Форменное время в сѣлах, и 0,3—0,4 млн. чел.—в городах, на железнодорожных станциях, приисках.

География переселений. Принимая из осторожности общую величину пореформенного миграционного потока в 4,1 млн. чел., можно на основании данных, аналогичных только что приведѣнным, но относящимся не ко всей Сибири, а к отдельным еѣ губерниям и областям, составить гипотезу распределения этого потока по участкам миграционного театра и его динамики по периодам. Последние принимаем в таких рамках: а) 1861—1894 гг. (до постройки Сибирской ж. д.), б) 1895—1904 гг. (до начала русско-японской войны и поворота в аграрной политике царского правительства), в) 1905—1914 гг. (от этого поворота до начала первой империалистической войны). Гипотеза эта представлена в таблицах 12 и 13.

Т а б л и ц а 12

№ райо- нов по на- шей карте (рис. 9)	Участки миграционного театра		Общая ве- личина по- тока (млн. чел.)	Распределение его по периодам в ‰		
	название районов	преобла- дающие ландшафты		1861— —1894 г.	1895— —1904 г.	1905— —1914 г.
1 и 4	Тобольский и Томский	Тайга	0,2	25	30	45
2 и 5	Западн. Лесостеп- ной и Новосибир- ский	Лесо- степь	0,4	40	30	30
3	Акмолинский	Степь	1,5	10	15	75
6 и 7	Алтайские	Главным образом степь и лесо- степь	1,5	20	30	50
8 и 9	Енисейский и Чунский	Тайга	0,3	5	15	80
10 и 11	Минусинский и Забайкальский	Лесо- степь	0,2	10	30	60
	Итого: млн. чел. в ‰ (кругло)	—	4,1 100	0,7 15—20	1,0 20—25	2,4 60

Районы	Преобладающие ландшафты и положение		Д о л я в %		
			до 1894 (до по- стройки Сиб. ж. д.)	в 1895— — 1904 г.	в 1905— — 1914 г.
Тобольский и Томский (№№ 1, 4) .	Тайга	В запад- ном		6	4
Западный Лесостеп- ной и Новосибирский (№№ 2, 5)	Лесостепь	поясе	23	12	6
Акмолинский (№ 3) .	Степь		22	24	42
Алтайские (№№ 6, 7)	Главным образом ле- состепь и степь	Алтай	43	47	31
Енисейский и Чун- ский (№№ 8,9)	Тайга	Восточ- ный пояс	2	5	11
Минусинский и За- байкальский (№№ 10 и 11)	Лесостепь	Восточ. пояс, в стороне от глав- ных пу- тей	3	6	6
Итого			100	100	100

Характерны изменения роли отдельных районов и зон.

Доля всех районов с преобладанием тайги составляла соответственно 9, 11 и 15% от всего притока переселенцев в Сибирь за каждый из выделенных нами периодов, доля всех районов лесостепного характера (включая Алтай)—69, 65 и 43%, доля степи — 22, 24 и 42%. Мы видим, что неуклонно растёт доля степной полосы, «открытой» постройкой Сибирской железной дороги и изъятием «излишков» земель кочевников; падает доля лесостепи—старейшей полосы заселения, где колонизационные фонды постепенно истощаются; усиливается значение таёжных районов. Сравнительно устойчива роль Алтая. До постройки Сибирской ж. д. на первом месте по числу оседающих переселенцев стоял Алтай с его великолепными природными условиями и сравнительно льготными правилами водворения; на втором—Западная лесостепь, заманчивая, помимо остальных своих качеств, близостью к Уралу; на третьем—западно-степная полоса, связь с которой была ещё несколько затруднена. В 1895 — 1904 гг. Алтай сохранял первое место, но западная степь заменила лесо-

степь, где колонизационные фонды были в большой степени исчерпаны. Начиная с 1905 г. на первое место выходит западная степь, оттесняющая Алтай на второе; третье место занимает восточная тайга, к колонизации которой приходится переходить ввиду всё возрастающей трудности изыскивать более благоприятные участки.

Зная движущие силы крестьянских переселений в пореформенное время, мы можем уже априорно ожидать, что встретим среди сибирских переселенцев того времени главным образом выходцев из наиболее поражённых аграрным кризисом губерний—центрально-чернозёмных и «малороссийских». ¹ Статистический материал подтверждает это. Поток переселенческого движения в Сибирь исходил из очагов пережитков крепостничества—«отрезков», малоземелья,—из очагов особенно сильной крестьянской нужды.

Эта картина осложнялась лишь тем, что губернии, удобно расположенные по отношению к головным участкам путей в Сибирь, давали большее число переселенцев, чем можно было ожидать на основании одних лишь черт экономики их крестьянского хозяйства. Такими губерниями оказались приуральские и волжские, из последних — особенно те, которые сочетали в себе удобство водных путей к Уралу с односторонне-аграрным развитием. Вместе с тем в пределах пореформенного времени можно выделить период, когда отчётливо вырисовывается главный очаг «оскудения», где аграрный кризис принимает особенно тяжёлые, затяжные формы. Существенную роль сыграло изменение самих путей в Сибирь—постройка Сибирской ж. д., «открывшая» для заселения новые, главным образом степные, земли; последнее повысило приток в Сибирь выходцев из тех мест, которые имели трудовые навыки южного, степного земледелия. ²

Сибирские переселения охватывали крестьянство всей Европейской России, усиливаясь, во-первых, там, где нужда была особенно сильна, во-вторых, где отсутствие общины делало самого крестьянина более подвижным, в-третьих, — в местностях, лучше всего связанных географически с Сибирью. При этом проложение новых путей через более южные участки Сибирского миграционного театра, совпавшие с распространением аграрного кризиса на южные «степные» губер-

Вместе с тем масштабы переселения были настолько велики, что движение захватывало в той или иной мере крестьянство всех районов Европейской России, так что в среде переселенцев были фактически представлены все губернии. Это снова подтверждает наше положение об общерусском характере заселения Сибири.

² Резко повышенную долю среди переселенцев черниговцев и полтавцев следует связать и с господством в соответствующих губерниях подворного землевладения, что позволяло здешним крестьянам при переселении продавать свои наделы, давало им некоторые материальные ресурсы, позволявшие рассчитывать на успех в создании нового хозяйства в далёкой Сибири.

нии Европейской России, дополнительно вовлекало в движение большое число выходцев из этих губерний.

Данные таблицы 14, относящиеся к периоду с 1896 г. (начиная с которого учёт переселенцев вёлся значительно полнее) по 1912 г. подтверждают это.

Таблица 14

Группы губерний (по группировке, принятой в статистику того времени)	Входящие в них губернии ¹	Число выход- цев в тыс. чел.	Тоже в % от итога
Центрально-чернозёмные ²	Орловская, Курская, Тамбовская, Воронежская, Пензенская, Тульская и Рязанская (7)	1086,7	24,0
„Малороссийские“	Черниговская, Полтавская, Подольская, Волынская, Киевская (5)	1089,6	24,2
Новороссийские	Екатеринославская, Таврическая, Херсонская, Харьковская, Бессарабская и Область Войска Донского (6)	786,6	17,4
Западные ³	Могилёвская, Минская, Витебская, Виленская, Гродненская, Смоленская, Псковская (7)	716,6	15,8
Приволжские ⁴	Казанская, Симбирская, Самарская, Саратовская (4)	377,9	8,7
Приуральские ⁵	Вятская, Пермская, Уфимская и Оренбургская (4)	250,9	5,6
Центральные	Московская, Тверская, Ярославская, Костромская, Владимирская, Калужская, Нижегородская (7)	80,2	1,8
Северные	Петербургская, Новгородская, Вологодская, Архангельская (4)	26,8	0,5
Прибалтийские	Ковенская, Курляндская, Лифляндская, Эстляндская (4)	31,5	0,7
Кавказ и Нижняя Волга	Кубанская, Ставропольская, Терская, Черноморская, Астраханская и Закавказье	58,0	1,3
Итого	(без губерний „Царства Польского“)	4504,8	100,0

¹ Перечислим губернии, общее число выходцев из которых превысило 200 тыс.: Полтавская — 399,5, Черниговская — 312,8, Воронежская — 280,7, Курская — 268,4, Могилёвская — 254,3, Киевская — 220,7, Харьковская — 219,3, Екатеринославская — 204,4.

² Кроме названных в предыдущей сноске выделялись Орловская (171,1) и Тамбовская (182,3).

³ Больше всего Витебская (172,0).

⁴ Главным образом Самарская (167,7) и Саратовская (104,9).

⁵ В том числе Вятская (126,0).

Четыре группы губерний—Центрально-чернозёмная, «Малороссийская», Новороссийская и Западная определяли собой в сущности объём всего движения, доставляя ему более $\frac{1}{5}$ всех выходцев.

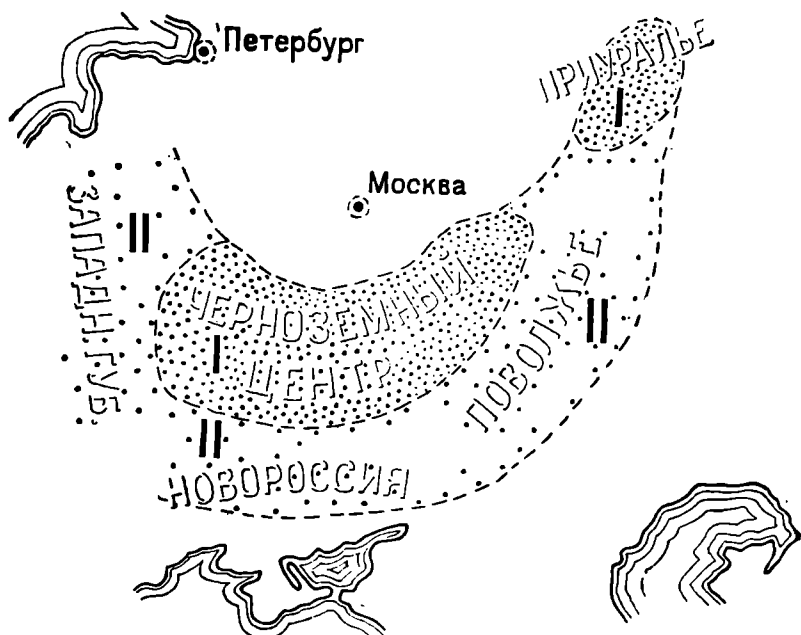

Рис. 15. Расширение основного очага пореформенных переселений в Сибирь (схема).

Цифровые обозначения: I. Районы, дававшие главную массу переселенцев в более ранний период. II. Районы, которые стали поставлять переселенческие контингенты по мере распространения на них аграрного кризиса

Полоса наиболее интенсивного выселения образовывала в Европейской России как бы громадную дугу, огибающую Центр с юга. Дуга эта простиралась от Витебска через Чернигов, Харьков, Воронеж и Самару до Северного Приуралья. На её восточном отрезке в значительной степени сказывались факторы близости к Сибири, на западном — подворное землевладение, облегчавшее для разоряющегося крестьянства возможность выручить что-либо за свой клочок земли. Центральная часть этой дуги захватывала область наиболее сильных пережитков крепостничества. Здесь дуга на протяжении последнего десятилетия XIX века и в начале XX века стремительно расширялась к югу по мере того, как расслоение и пауперизация охватывали и недавно колонизованные губернии Новороссии. В это же время усиливается северо-западный конец дуги и «заполняется» Волжско-степной отрезок её, который по своему значению постепенно заменяет северно-приуральский. К северу от этой дуги число

выходцев резко падает, и само Примосковье и собственно северная группа губерний Европейской России дают уже ничтожные цифры числа переселенцев.¹

Взаимосвязь районов выхода и вселения. В «переселенческой» литературе конца XIX—начала XX века неоднократно делались попытки связать освоение тех или иных природных ландшафтов Сибири с составом засельщиков по местам выхода. Казалось соблазнительным доказать, что тайгу осваивали северяне, а степь—выходцы из южных губерний, тем более, что общий сдвиг колонизации к югу, в степную полосу, как раз совпал с усилением среди переселенцев доли южан.²

Известная доля истины в этом, безусловно, имелаась. Трудовые навыки степного земледелия, которыми располагал переселенец-екатеринославец, донец или саратовец, легче было применить в Акмолинско-Тургайской или Барабинской степи, чем в урманах Чулыма или в Ангарской тайге. С другой стороны, выходец из Вятской, Витебской или даже Смоленской губернии обладал многими навыками раскорчёвки леса, осушки болот, различных лесных промыслов, которые оказывались неоценимыми именно в тайге. Однако не следует переоценивать значение этого момента. Справедлива, на наш взгляд, только «одна половина» концепции, которую так охотно развивали многие старые исследователи переселенческого дела: тайга, действительно, отпугивала переселенца-степняка. Но трудности хозяйственного освоения таёжных земель и особенно преодоление таёжного бездорожья были велики и сами по себе; они пугали и выходцев из лесных губерний, которые также обычно стремились к водворению не в самой гайге, а в лесостепи, предпочитая на худой конец даже степные районы. Например, значительная часть выходцев из северо-западных губерний (поздняя волна, о которой мы уже говорили) направлялась не в тайгу, а в степь и лесостепь. В самой таёжной зоне осваивались по возможности отдельные открытые участки—«подтаёжные места», елани. Вряд ли законно, наконец, и само слишком уж схематическое разделение переселенцев на

¹ Таким образом Север, когда-то игравший такую важную роль в заселении Сибири, в пореформенное время почти вовсе теряет значение в потоке сибирских переселенцев; но потомков старинных выходцев с Севера мы всё же ещё можем встречать среди сибирских пионеров. Эти пионеры являются выходцами из уже ранее заселённых районов самой Сибири. Те «ползучие» формы миграций, которые могут быть прослежены на всём протяжении заселения Сибири, приводили во вновь заселённые районы Сибири—куда-нибудь под Канск или Рубцовск—выходцев из Тобольской губернии, потомков устюжан, вятчей или пермяков.

² Точка зрения эта получила широкое распространение и среди практиков «переселенческого дела» начала XX в. Вот что писал, например, один из черниговских переселенческих агентов, ездивший с ходоками в Кулундинскую степь: «Кулундинская степь не для черниговцев-северян. Южанин-черниговец ещё кое-как может мириться с нею, но северянин без лесу и естественных сенокосов жить не может... Качество земли крестьяне отменно определяют, но у них свои соображения, обуславливающиеся обстоятельствами во всей их совокупности, а не только лишь качествами почв. Вода, сенокосы, лес— всё это веские мотивы при выборе участка» (Известия Областной переселенческой земской организации, Полтава, 1908, № 5, стр. 21).

«жителей лесов» и «жителей степей». ¹ Значительная часть переселенцев представляла собой выходцев из «промежуточных» губерний (Черниговская, Тульская, Казанская и т. п.), где степная и лесная «стихий» были в равной степени хозяйственно-привычными. Наконец, приток переселенцев из Новороссии, Заволжья, даже с Северного Кавказа в степные области Сибири в значительной степени объяснялся хронологическим совпадением «открытия» огромного степного колонизационного фонда (благодаря постройке Сибирской железной дороги и массовому изъятию «излишних» земель у кочевников) и распространения аграрного кризиса на южные, степные, губернии Европейской России.

При всём том нельзя отрицать, что само совпадение это в большой степени способствовало переселенческому движению.

Своеобразную «фотографию» распределения пришлого населения по губерниям поселения и выхода даёт перепись 1897 года в виде сведений о «неместных уроженцах». Эти данные мы сведём в таблицу 15 (в тыс. чел.): ²

Таблица 15

Губернии Сибири	В них жило уро- женцев губер- ний ³	Центрально- чернозёмных	Малоросий- ских ⁴	Новороссийских	Западных	Приволжских	Приуральских	Центральных	Северных	Прочих
Тобольская губ. .	51,8	35,5	14,3	26,5	13,5	35,0	11,5	6,1	2,9	
Тургайская обл.	4,8	—	—	—	10,3	9,9	—	—	—	
Акмолинская обл.	17,7	32,5	6,0	—	27,1	16,4	—	—	—	
Семипалатинская обл.	3,0	—	1,5	—	2,3	2,3	—	—	—	
Томская губ.	252,6	74,3	20,5	12,1	43,9	111,7	18,4	5,1	3,1	
Енисейская губ. .	32,2	19,3	7,3	4,3	10,3	23,8	10,7	1,3	1,2	
Иркутская губ.	4,9	2,5	—	—	6,1	10,5	4,5	—	—	
Забайкальская обл.	—	1,7	—	—	—	4,2	1,1	—	—	
Всего	367,0	165,8	49,6	42,9	113,5	213,8	46,2	12,5	7,2	

¹ Выходцев с Европейского Севера, которые были застрельщиками движения в Сибирь на наиболее ранних, «промыслово-пушных» этапах колонизации, можно было считать «лесовиками» только на этих этапах; в XIX и XX вв. и выходцы из Вятской, Пермской губерний представляли собой жителей по преимуществу окультуренных, широко распаханных (вплоть до возникновения малоземелья) уездов; в хозяйстве их специфические лесные промыслы давно уже стали играть подсобную роль.

² При составлении её мы отбросили все губернии, число уроженцев которых составляло менее 1000 чел. Таким образом, таблица отражает результаты притока именно массового. Отброшены также выходцы из других губерний самой Сибири, чтобы не затемнять картину вторичными миграциями.

³ Группировка губерний та же, что и в таблице 14.

Цифры эти (общая сумма их — 1,02 млн. чел.) как бы подытоживают ту структуру переселенческого потока, который сложился в «дожелезнодорожный» период заселения Сибири. Приуральские губернии всё ещё занимают очень видное место, но чернозёмный центр уже вышел на первый план. «Малороссийские» губернии ещё не успели дать большого количества выходцев—их роль впереди так же, как и губерний Новороссии. Западные губернии тоже дают ещё совсем мало выходцев—даже меньше, чем центральные (уроженцев последних много среди населения сибирских городов: купцы, чиновники и т. д.). Высокая роль «близких» к Сибири территорий, за пределами которых выделяется только Центрально-чернозёмный очаг «оскудения», отражает отсутствие ж. д. связи с Сибирью, без которой движение «дальних» переселенцев было очень затруднено. Язва оскудения, только начавшая разрастаться в широкую полосу, охватывающую добрую половину Европейской России, ещё не успела дать в составе сибирских переселенцев выходцев из многих губерний, которые позже займут видное место (Могилёвская, Харьковская, Витебская, Екатеринославская и т. д.).

Распределение переселенцев по сибирским губерниям выглядит очень пёстро и на основании его трудно говорить о преимущественном поселении «южан» в степи, а «северян» в тайге.

Поуездные данные о движении переселенцев обычно вскрывают стремление к «привычным» ландшафтным условиям более определённо. Вот для примера процентная группировка данных о распределении числа семей, прошедших в 1913 г. через Челябинск по проходным свидетельствам (то есть в основном на уже зачисленные земли). В таблице 16 мы разбили 29 уездов Сибири, принявших 17 тыс. семей переселенцев, на степные, лесостепные и таёжные; на такие же группы разбиты и губернии выхода.¹

Таблица 16

Группы уездов водворения	Группы губерний выхода			Всего на- правлялось
	степные	лесостепные	лесные	
Степные	49,5	11,4	0,3	24,2
Лесостепные	49,5	60,0	39,2	52,2
Таёжные	1,0	28,6	60,5	23,6
Всего вышло	100,0	100,0	100,0	100,0

Для экономии места в таблице 16 даны только проценты. Источник: Сибирское переселение, 1913. Итоги учёта переселенческого движения. Сборник цифровых материалов для изучения крестьянских движений, Челябинск, без года издания.

Уезды Черниговской губернии	В о д в о р е н и е				Результаты хождения		
	в лесной зоне	в лесостепной зоне	в степной зоне		в лесной зоне	в лесостепной зоне	в степной зоне
Северные .	18,1	64,2	17,7	Удачн.	53,0	42,7	25,3
				Неудачн.	47,0	57,3	74,7
Средние	11,7	64,3	24,0	Удачн.	50,3	45,8	37,1
				Неудачн.	49,7	54,2	62,9
Южные	4,8	59,5	35,7	Удачн.	24,0	39,6	27,3
				Неудачн.	76,0	60,4	72,7
Губерния в целом	13,7	63,1	23,2	Удачн.	50,0	43,5	29,5
				Неудачн.	50,0	56,5	70,5

Следует иметь в виду, что на распределение переселенцев, особенно после 1905 г., значительное влияние оказывала сознательно проводимая Переселенческим Управлением политика, исходившая именно из предположения о лучшей приживаемости переселенцев в сходных условиях.¹ Данные земских исследований, в которых рассматриваемому вопросу уделялось очень много внимания, показывали, что стремление к «привычным» ландшафтным условиям в общем было далеко не решающим в распределении переселенцев по районам заселения. Так, например, итоги исследования Черниговского земства² (для нас они интересны тем, что в Черниговской губернии хозяйство южных уездов по типу близко к степному, а северных—сходно с хозяйством лесистых губерний), показывающие распределение переселенцев в процентах, даны в табл. 17.

Тенденция здесь выражена довольно слабо. При этом интересно, что значительно большее число «северян» водворялось в степной зоне, чем «южан» в лесной (левая часть таблицы). Высокий процент неудач ходок в «несоответствующих» ландшафтных зонах как будто бы свидетельствует о наличии определённого тяготения. Однако анализ причин неудач хождения и причин обратных переселений показывает, что «географические факторы» играли среди этих причин чуть ли не последнюю роль:

¹ «Дефицит» заготовленных долей в степных уездах заставлял переселенческих чиновников «пропускать» туда ходок и переселенцев главным образом из степных губерний, побуждая выходцев из лесной зоны брать участки в таёжных уездах.

² Переселение в Сибирь из Черниговской губернии в 1906—1908 гг. Изд. Черниг. губ. Земской Управы, Чернигов, 1910.

86⁰/₀ неудачного ходачества и 65⁰/₀ обратных переселений крестьяне объясняли отсутствием свободных участков и недостаточностью средств на переселения. На долю недовольства географическими условиями падало соответственно 9,8 и 22,3⁰/₀.¹ На недостаток воды жаловались почти исключительно выходцы из северных лесных уездов, на климат—по большей части «южане» (в 5,1⁰/₀ случаях, в то время как по всей губернии жалобы на климат составляли 2,1⁰/₀), но, например, на нехватку леса равномерно жаловались и северяне и южане.

Приводя эти данные, черниговские земские исследователи заключали: «Можно ли сказать, что ходоков в Черниговской губернии (из той или иной группы уездов—В. П.) больше всего удовлетворяют, что им больше всего нравятся местности лесные и меньше всего степные? Такого заключения сделать нельзя. Тот или другой район по своим естественным условиям может как нельзя более нравиться ходокам, и всё же давать наибольший процент неудач. Дело в значительной степени будет зависеть от того, имеется ли в таком районе достаточное количество свободных земель». ² Социальные, а не ландшафтные причины господствуют среди неудач переселения. Об этом свидетельствует и то, что 82,4⁰/₀ обратных переселений падало на переселенцев, проживших в Сибири менее года, то есть не успевших ещё понастоящему «ощутить» ландшафт. ³

Если можно лишь с большой осторожностью и многими оговорками говорить о тенденции тяготения переселенцев к привычным ландшафтам, видя причину этого, разумеется, не в какой-то мистической тяге северянина к лесу, а южанина к степи, а лишь в комплексе трудовых навыков, то не подлежит сомнению, что роль «отборных» пионеров, наиболее способных к освоению трудных местностей, не смущавшихся и непривычными условиями, сохранялась за переселенцами из среды самих сибирских старожилов. Не случайно при необходимости устройства заселений в трудных условиях царская администрация стремилась использовать сибиряков-старожилов или переселенцев, уже прошедших своеобразную школу пионерства в Сибири. Так вербовалось, например, население для пограничных местностей в Усть-Каменогорском и Зайсанском уездах, по Чуйскому и Уймонскому трактам, преследовавшее цели укрепления границы и обеспечения торговых коммуникаций с Монголией. ⁴ Власти стремились, «чтобы горные посёлки заселялись преимущественно вы-

¹ Переселение в Сибирь из Черниговской губернии в 1906—1908 гг. Изд. Черниг. губ. Земской Управы, Чернигов, 1910, табл. XXXI и XXVIII.

² Там же, стр. 55.

³ Там же, стр. 44.

⁴ С. П. Швецов. Горный Алтай и его население. Барнаул, 1900. (Описание по обследованию 1897 г. 14 посёлков, образованных в 1878 г. на путях торгового движения); А. Н. Троицкий. Описание некоторых переселенческих посёлков Усть-Каменогорского и Зайсанского уездов Семипалатинской области в сельскохозяйственном отношении. СПб, 1913 (Описание 22 посёлков, образованных для «скорейшего заселения пограничной полосы области русскими крестьянами» в 1909—1912 гг.).

ходцами из соседней Томской губернии, так как переселенцам из Европейской России, совершенно незнакомым в большинстве случаев с ведением хозяйства в горных местностях, трудно быстро и прочно устроиться здесь. Выходцы же из соседних горных районов Томской губернии, прожившие в этой губернии... несколько десятков лет... прекрасно устраиваются в горных посёлках, занимаясь главным образом скотоводством». ¹

Социальный состав переселенцев. Условия переселений. Мы знаем, что «ключ» к пониманию сибирских переселений лежал в аграрных взаимоотношениях коренных европейских губерний России. Это ленинское положение приобретало по мере развития аграрного кризиса в предреволюционной России всё большую силу. Оно помогает нам понять и то изменение в социальном составе переселенческой массы, которое намечается уже с 90-х, а частично и с 80-х гг. XIX столетия. Нет недостатка в земских исследованиях и монографиях, которые устанавливали возрастающую бедность переселенцев, «ухудшение» их состава с точки зрения шансов на создание на новых местах устойчивого хозяйства. Росту доли обнищавших крестьян среди поселенцев отвечало и колоссальное возрастание «обратничества», о котором Ленин писал: ...громадный поток вконец разорённых обратных переселенцев с неопровержимой наглядностью говорит нам о полном крахе правительственной переселенческой политики». ²

А. А. Кауфман, обследуя переселенческие хозяйства Томской губернии, смог подметить появление тенденции обеднения переселенцев на протяжении периода с 1880 по 1894 г. ³ Вот приводимое им характерное сопоставление:

	У переселенцев, прибывших	
	до 1887 г.	в 1888—1893 гг.
Земли на родине в среднем дес.	9,3	4,4
% безземельных (на родине)	4,6	14,6
% имевших (на родине) более 10 дес.	33,1	10,1
В среднем на двор (на родине) было:		
лошадей	2,0	1,4
коров	1,8	1,1
% безлошадных (на родине)	5,9	21,9

Отмечает эту тенденцию и И. А. Гурвич, исследование которого, вышедшее в 1888 г. и, как известно, высоко оценённое В. И. Лениным, основывается на материалах, собранных ещё в 1882—1883 гг. ⁴

Тройницкий, назв. соч., стр. 6.

В. И. Ленин. К вопросу об аграрной политике (общей) современного правительства, Соч., т. XVI, стр. 452.

³ А. Кауфман. Томские переселенцы по подворному исследованию 1894 г., М., 1897.

⁴ Состав переселенцев неизбежно должен был «ухудшаться» уже по мере того как в движении втягивались широкие слои бывших помещичьих крестьян, гораздо менее подготовленных экономически к переселениям, чем бывшие

Как же происходили сами переселения?

Пользование железными дорогами до самых 90-х гг. играло в движении гораздо меньшую роль, чем это было возможно по степени развития железнодорожной сети. Железнодорожный «волоок» через Урал в виде линии Пермь—Екатеринбург (не связанный тогда ещё с сетью остальных ж. д. страны) был создан в 1878 г. (и в 80-х гг. продолжен до Тюмени). Итак уже к началу 80-х гг. фактически существовали комбинированные водно-железнодорожные пути из основных очагов выхода переселенцев до Сибири.¹ Однако дороговизна проезда по сравнению с жалкими денежными средствами переселенцев заставляла значительное большинство их избегать железных дорог и двигаться гужом. Этим обстоятельством объясняется и распылённость маршрутов по многим трактам и даже просёлочным дорогам. Лишь на востоке маршруты эти стягивались преимущественно к Тюмени, откуда уже значительная часть переселенцев прибегала к водному транспорту. В начале 80-х гг., по данным И. А. Гурвича, громадное большинство шло весь путь на лошадях и пешком, часть даже вдоль полотна железной дороги (например, по линии Моршанск — Сызрань — Оренбург).² К 1889 г. железной дорогой пользовалось лишь немногим больше половины переселенцев.³ Шедшие пешком и на лошадях переселенцы дорожили возможностью сохранить свою скотину и захватить возможно больше инвентаря и продовольственных запасов. Оплата провоза скотины и багажа по железной дороге была для них непосильной. Обычным было движение на одной подводе (кибитке) семьи из 4—5 человек.⁴ Мужчины шли, как правило, пешком всю дорогу; в день передвигались по 30—35 вёрст. Маршруты причудливо переплетались, переходили один в другой. В пределах Сибири представляется возможным наметить только общее их направление: от Тюмени на восток-юго-восток.⁵

государственные; а между тем «потребность в переселении» была у помещичьих крестьян (полурасорённых уже в момент реформы 1861 г.) значительно выше. Таким образом, корни «ухудшения» и «измельчания» переселенцев идут вплоть до 1861 г. Но в резкой форме проявилась эта тенденция лишь к концу XIX века.

¹ По одной из ж. д. линий до Волги или Оки (к 1880 г. пунктами, где такой стык осуществлялся, были уже: Тверь, Рыбинск, Ярославль, Кинешма, Нижний Новгород, Рязань, Муром, Сызрань, Самара, Саратов, Царицын), далее Волгой и Камой до Перми, железной дорогой от Перми до Тюмени и затем по сибирским рекам. Другим выдвинутым в сторону Сибири «концом» железнодорожной сети являлся Оренбург, непосредственно связанный со всей сетью железных дорог ещё с 1877—1880 гг.

² И. А. Гурвич. Переселение крестьян в Сибирь, М., 1888, стр. 3—4.

³ Д. М. Головачёв. Заметки о русской колонизации Сибири. Землеведение, 1894, т. IV, стр. 44.

⁴ Кибитки были почти всегда одноконными; из сосчитанных Гурвичем в 1882—1883 гг. 878 кибиток парных было только 15, с 3—4 лошадьми — 4.

⁵ Вот наиболее принятые в 80-х гг. гужевые маршруты (точнее «пучки» их): 1. От Косулиной близ Екатеринбурга на Шадринскую дорогу и от Ялutorовска далее по главному Сибирскому тракту. 2. От Челябинска через Курганский округ. 3. От Троицка через Нижне-Алабужский район. 4. От Кургана на Ишим, Тюкалинск или через Петропавловск на Омск. 5. От Тю-

Если разбить всё движение через Урал на три основных направления, то до начала постройки Сибирской ж. д. (в 1887—1892 гг.) соотношение их было, по Д. М. Головачёву,¹ таким:

Через Тюмень .	—77,3%
Оренбург .	—13,2%
Златоуст—	
Челябинск	— 9,5%

Мы сказали, что от Тюмени преобладающая масса переселенцев пользовалась водным транспортом. Так:

В 1885—1888 г. из 8,7 тыс. семей пошли далее водой	4,9 тыс. или	53%
1888 г.	4,5	3,2 71%
„ 1890 г.	„ 26,3	16,9 64%

Доля отправлявшихся из Тюмени подводами (многие именно тут покупали себе лошадь и подводу) обычно возрастала в тех случаях, когда запаздывало открытие навигации. Стремление попасть на место за «один сезон» было очень велико и объяснялось всё той же нищетой. Хлебный запас и денежные крохи, взятые в дорогу, проедались с пугающей быстротой. Зимовка в пути являлась катастрофой. Поэтому движение начиналось обычно с открытием «чернотропа» — появления первых проталин и чернеющих колеи на просёлках. Первыми пароходами переселенцы стремились попасть в Пермь, как можно быстрее перевалить через Уральский железнодорожный волок и к началу навигации по Туре, Тоболу и Иртышу быть в Тюмени.

Скопление истощённых долгим путём переселенцев в Тюмени, где первых пароходов дожидалось часто по многу тысяч человек, приводило к массовым эпидемиям. Все пути переселенцев в Сибирь были усеяны частыми могилами; Тюмень стала на этом пути главным кладбищем. Здесь, почти без помощи правительства, по инициативе самого тюменского населения, был создан первый переселенческий пункт, в бараках которого в страшной скученности могла укрыться всё же лишь малая часть переселенцев. Ужасы тюменской «перевалки» вызвали в 80-х гг. широкое движение среди прогрессивной интеллигенции России и Сибири в пользу помощи переселенцам. Однако общественная и частная благотворительность, разумеется, могла только в ничтожной степени помочь делу. Смертность среди переселенцев в этот период была потрясающе велика. Так из вышедших с родины 23683 душ, охваченных обследованием А. А. Кауфмана,

мени (для тех, кто не пользовался пароходом и баржами) по Сибирскому тракту на Ялutorовск, Ишим, Тюкалинск и далее на Каинск (или село Пустынное). 6. От Канска на Томск или Барнаул (скотопрогонным трактом). 7. От Карташова (крупное село и важный перевоз на Иртыше) на Каинск, Кочки, Барнаул. 8. Из Барнаула в Бийский и Кузнецкий округа. Восточнее Томска массовое движение шло только по Сибирскому тракту — на Марининск, Ачинск (оттуда путь сворачивал в Минусинскую котловину), Красноярск, Иркутск.

¹ Д. М. Головачёв, назв. соч., стр. 46.

умерло в пути 746 душ (3,2⁰/о), да на месте, до истечения года с момента прибытия (как следствие путевых невзгод) — ещё 676 душ (2,9⁰/о), а всего 6,1⁰/о.¹

Баржи, на которых в страшной скученности, без горячей пищи, страдая от сырости и холода сибирских ночей с заморозками, двигались переселенцы от Тюмени, делались пловучими обителями смерти.² Следует учесть томительную медленность пути до основных пристаней, где происходила выгрузка переселенцев — Тары, Карташева, Омска, Павлодара, Семипалатинска, Томска, Барнаула, Бийска; путь до более дальних из этих пристаней измерялся неделями.

С проведением железной дороги Самара—Уфа—Челябинск и с открытием головного участка Сибирской ж. д. общее направление переселенческого движения смещается к югу, и процент переселенцев, следующих по железной дороге, резко возрастает. На эти годы (начало 90-х гг.) приходится кульминация бедствий переселенцев, наиболее высокие цифры смертности, вызванной скоплением десятков тысяч людей в пунктах пересадок (Сызрани, Челябинске). Железнодорожный тариф съедал те крохи, с которыми переселенцы трогались из дому. Только с конца 90-х гг. были введены специальные тарифы,³ открыто значительное число продовольственных и врачебных пунктов, упорядочена выдача путевых ссуд⁴ и т. д. Впрочем, не следует думать, что эти льготы и улучшение общих условий переселения «пропорционально» сказывались на положении переселенцев: волна переселенческо-

А. А. Кауфман. Томские переселенцы по подворному исследованию 1894 г., М., 1897.

² Глеб Успенский, изучивший положение переселенцев на месте и горячо выступивший в 1888 г. в их защиту, гневно рассказывает: «При начале переселенческого движения какой-то предприниматель, вздумав нажить на этом деле «деньгу», набил свой пароход переселенцами битком, препятствовал им покупать на пристанях харчи, поставил их в необходимость брать всё съестное у него же на пароходе по ценам, невозможным для переселенцев. Результатом этих корыстолюбивых планов было то, что пароход привёз к Томску озлоблённую и ожесточённую толпу, полуголодную, почти разорившуюся и привезшую с собой несколько трупов» (Поездки к переселенцам, от Казани до Томска и обратно. Соч., изд. Ф. Павленкова, т. III, СПб, 1898, стр. 487).

³ Льготный переселенческий тариф — 0,3 коп. с человеко-версты и $\frac{1}{75}$ коп. с пуда багажа и версты и 0,5 коп. с головы скота и версты — был введён Комитетом Сибирской ж. д. Проезд Курск—Тюмень стоил по общему тарифу 24 руб., по переселенческому — 5 руб. 31 коп., провоз пуда багажа соответственно 4 руб. и 1 руб. Правда, перевозки по новому тарифу производились долгое время в товарных вагонах.

⁴ Характеристика «ссудной политики» царского правительства могла бы составить особую тему. Ссуды и после «поворота» правительства «лицом» к переселенцам оставались далеко недостаточными; выдача их носила случайный характер и производилась крохоборчески, маленькими суммами; переселенец затрачивал массу времени на хлопоты и никогда не мог основывать свои планы на твёрдо причитавшейся ему и ощутимой по размерам ссуде. Ссуды походили на милостыню, к которой часто приходилось прибегать многим переселенцам. Сказанное относится как к путевым, так и «домообзаводственным» ссудам, выдававшимся на местах. Предел путевых ссуд в период деятельности Комитета Сибирской ж. д. — 50 руб. на семью (до образования Комитета — 20-30 руб.). Однако получать ссуды удавалось далеко не всем. Если

го движения так нарастала, что вводимые улучшения не поспевали за ней.¹

Было бы неверным представлять переселенческую массу, как однородную, социально-недифференцированную. Правда, главную массу всё больше и больше составляло «однородно»-разорённое и нищее крестьянство; но тем больший интерес представляет наличие в её среде численно небольшой, но экономически очень активной прослойки крепких хозяев-кулаков, устанавливавших часто уже в пути кабальные отношения с попутчиками-односельчанами. Отправляясь в путь не от нужды, а для наживы, она обеспечивала себя заранее за гроши батраками из односельчан. Капиталистические отношения, развившиеся в коренной российской деревне, «ехали» вместе с переселенцами в переселенческих поездах, на баржах и подводах. Полтина, взятая взаймы бедняком в тяжёлую минуту в дороге, сулила стать на месте основой тех же кабальных отношений, от которых этот бедняк пытался уйти на край света.

Но главную основу для быстрого развития капиталистических отношений в сибирской деревне составляли взаимоотношения между новосёлами и сибирскими старожилами.

Социальные отношения на новом месте и формы расселения. Сибирь практически не знала крепостного права (кроме горно-промышленных районов). Уже с середины XVIII века для сибирских «государственных крестьян» была уничтожена даже десятинная пашня и всё обложение было переведено в денежное. Товарные отношения, как мы уже видели, получили в Сибири очень рано довольно большое развитие, и это способствовало выделению деревенской кулацкой верхушки. Большую роль сыграла предпринимательская деятельность сибирских старожилов, живших по тракту и обслуживавших его работу извозом, дворничеством и другими промыслами. При огромном протяжении тракта и сосредоточении значительной доли сибирских сёл именно вдоль этой очень бойкой гужевой магистрали, влияние этого фактора на развитие товарно-капиталистических отношений в сибирской деревне трудно переоценить. Сибирский крестьянин

разделить общую сумму расходов 1894—1901 гг. по выдаче путевых ссуд переселенцам на число переселенцев, то средний размер ссуды составит от 4 до 9 руб. на душу. С 1899 г. предельная величина путевых ссуд была снижена до 30 руб. Предел ссуд при водворении составлял 100 руб., но практически обычно выдавалось не больше 50 руб. мелкими подачками. Судя по данным о 62,3 тыс. семей, охваченных обследованием А. А. Кауфмана (см. его работу «Сибирское переселение на исходе XIX в.», СПб, 1901), средний размер полученной ссуды составлял 63,4 руб. на семью.

¹ Скученность в огромных бараках нового переселенческого пункта в Челябинске, на много превосходившего старый Тюменский, оказывалась не меньшей; попрежнему многим переселенцам приходилось ютиться под открытым небом. Число переселенческих поездов не соответствовало огромному наплыву переселенцев. Хотя переселенцы могли двигаться быстрее (скорость переселенческих поездов была увеличена), им приходилось подолгу ждать отправки. Уменьшался «достаток» переселенцев, и вот уже даже «льготные» пятикопеечные обеды на устроенных к этому времени продовольственных пунктах оказывались для многих слишком дорогими.

Источники ¹	Год оцен- ки	Сумма в рублях	Примечание
Н. М. Ядринцев	1882	500	Включая покупку подводы, пары волов или лошадей, дорожные издержки и расходы на само перечисление (увольнит. и приёмн. приговоры, стоявшие до 50 р. каждый)
В. Н. Григорьев	1885	150	Без дороги и покупки лошадей
А. А. Исаев по подсчётам этого автора и А. Б. Дурова (томского перес. чиновника)	1891	143—163	Без дороги, с покупкой на месте двух лошадей и коровы
А. Н. Куломзин (исчисления местной администрации): Ишимский округ Тюкалинский Ачинский Акмолинская обл.	1896	200—250 140—247 257 200	
А. А. Кауфман а) по оценке переселенческих органов: Акмолинская обл. Тобольская губ. б) По оценке местной администрации: Акмолинская обл. Тобольская губ.	Нач. XX в.	364—500 250—425 460—580 365—550	По мнению самого А. А. Кауфмана эти оценки „должны быть удвоены“.
А. М. Беркенгейм	1902	700	

Н. М. Ядринцев. Сибирь, как колония, СПб, 1882; В. Н. Григорьев. Переселения крестьян Рязанской губ., М., 1885; А. А. Исаев. Переселения в русском народном хозяйстве, СПб, 1891; Приложение к всеподданнейшему отчёту статс-секретаря А. Н. Куломзина по поездке в Сибирь в 1896 г., СПб, 1896; А. А. Кауфман. Переселение и колонизация, СПб, 1905, стр. 215—216; А. М. Беркенгейм. Переселенческое дело в Сибири. Землеведение, 1902, кн. I и II—III.

имел долгое время возможность почти в неограниченных размерах увеличивать запашки путём займок. Так как налоги платились не с доходов, а «по душам», тягость их была для кулачества сравнительно невелика. Кулаки во многих районах имели в лице ссыльных поселенцев и бедноты готовых батраков. Но ещё гораздо большее значение имел непрерывный приток переселенцев, которые в своей подавляющей массе были экономически вынуждены идти на работу в кулацкие старожильческие хозяйства. Даже те из переселенцев, которым «везло», обычно должны были, чтобы встать на ноги, пройти через период жестокой эксплуатации старожилом-кулаком. Переселенец, как правило, добирался «до места» без каких бы то ни было средств. Между тем издержки, необходимые для того чтобы он мог начать вести нормальное хозяйство, составляли несколько сот рублей. В таблице 18 показано, как определяли различные авторы эту сумму (на двор — семью).

Значительная часть новосёлов не терпела отлагательства: постройку жилья необходимо было закончить до наступления холодов, заготовку корма для скотины на зиму — за то время, пока можно пользоваться естественным пастбищем, и т. д. Если переселенец приписывался к одному из старожильческих обществ, он должен был также немедленно оплатить приёмный приговор.¹ Всё что он мог сделать, как правило, только вступив в долговые отношения со старожилом. Оплачивать этот долг приходилось трудом своим и своих домашних с кабальными процентами. А. А. Кауфман считал, что обычно переселенцу надо до 4 лет, чтобы стать на ноги, однако это, конечно, обозначает лишь то, что новосёл мог в этот срок завести пашню, обзавестись постройками, скотом, инвентарём, но не то, что он мог освободиться от экономической зависимости.

Непрерывный приток переселенцев обеспечивал для сибирского старожильского кулачества, а также и для отдельных удачливых новосёлов, резерв дешёвых рабочих рук. Когда ранее прибывшие новосёлы, с огромными усилиями подняв своё хозяйство, освобождались от кабалы, на их место к услугам кулаков уже были новые контингенты пришельцев.

Географические формы складывавшегося заселения следует оценивать именно в связи с социальными и производственными условиями. Типичными случаями были:

Стоимость приёмных приговоров непрерывно росла. С. Л. Чудновский, основываясь на обследовании 22 Алтайских посёлков (1885), обработал данные о 2 тыс. приговоров за 60-е—80-е гг. В начале этого периода приговоры стоили 4—10 руб. (часто и того меньше: «из чести только вино»), в 70-х гг. они поднимаются до 7—15 руб., а в отдельных случаях доходят до 25 руб.; в 80-х гг. частой становится оплата 35—40 руб. «Плата за приёмный приговор простирается в последнее время (написано в 1889 г.—В. П.) до 50 руб. с ревизской души» (С. Л. Чудновский. Переселенческое дело на Алтае. Записки Вост.-Сиб. Отд. ИРГО, т. I, вып. I, Иркутск, 1889, стр. 136—138). В 1910—1911 гг. в Акмолинской обл. «приписки стали особенно трудны: старожилы требуют нередко по 150—200 руб. за приписку мужской души» (А. И. Комаров. Правда о переселенческом деле, СПб, 1913, стр. 76).

1. Создание в лесостепной и таёжной полосе совершенно новых, чисто переселенческих посёлков с одновременным наделением переселенцев землёй. В этих посёлках переселенцы не имели поводов непосредственно сталкиваться со старожилами, но зато лишены были возможности опираться на общую обжитость местности и получить, хотя бы и на кабальных условиях, помощь на период первоначального устройства, например, кредит. Образование таких новых массивов заселения выдвигалось в качестве главной и основной задачи переселенческих органов. Последние, однако, часто предпочитали избегать встающих на этом пути трудностей и обращались к изъятию части земель у старожилов, к различным формам доприселения и т. д. Освоение совершенно новых участков было в условиях царского строя обычно не под силу, так как надо было создать «по плану» значительный массив заселения и обеспечить его путями сообщения.¹

2. Устройство таких же новых переселенческих посёлков на крупных земельных массивах в степной полосе, полученных путём «уточнения» землепользования чевников-казахов и искусственного форсирования их оседания. Здесь задача была проще. При изъятии «излишков» туземных земель в колонизационный фонд обычно отрезались места, лучше обеспеченные водой. Тем не менее кое-где приходилось устраивать артезианские колодцы; требовалась также помощь строительными материалами (лесом).

3. Доприселение к старожильческим деревням — путь, по которому приходилось идти преимущественно самовольцам; но к нему часто прибегали и переселенческие органы, ибо упрощенное землеустройство старожильческих посёлков было наиболее лёгким способом получить «доли» и для легальных переселенцев. Форма эта получила распространение там, где издавна осело старожильческое население (на Алтае, в полосе трактов). Именно при доприселении и шла в наиболее ярком виде та эксплуатация новосёлов старожилами, о которой мы говорили. Доприселение не означало непременно сгуживания всё новых и новых дворов в одной деревне. Часто ядром, около которого оседали приписывающиеся переселенцы, являлись расположенные в стороне заимки и починки. Иногда доприселение было причислением к старожильческому обществу, располагавшему ещё немерянной землёй (вспомним старинное русское определение границ земле-

¹ Вот как характеризовал положение в Енисейской губернии один из переселенческих чиновников: «Колонизационный фонд не имеет в своём распоряжении не только степных, но и подтаёжных местностей, и участки волееневольей приходится отводить в тайге. Но нарезать участок в глухой тайге значило заранее обречь его на то, что заселён он не будет». Отсюда желание использовать «годные немедленно же под заселение места», а это—«лишь те незначительные клочки, которые остаются после земельного устройства старожилов». Переселенческие органы «брали по кусочкам, брали то, что в первую голову попадало на глаза—лишь бы поместить, лишь бы отвязаться от тех десятков изнурённых, истомлённых лиц, которые торчат на переселенческом пункте, стоят часами в приходежей Переселенческого Управления, лезут неизвестно зачем целой гурьбой в губернское Управление» (А. И. Комаров. Правда о переселенческом деле, СПб, 1913, стр. 10, 26, 9, 11).

пользования — «куда соха, коса и топор ходят»); иногда переселенческие органы, производя землеустройство старожилов, выявляли на их землях свободные фонды; иногда нелегализированные самовольцы подолгу жили на «птичьём положении», арендуя земли у общества или снимая казённые оброчные статьи.¹ Встречалось и «самовольное» доприселение к недавно образованным переселенческим посёлкам.²

Особенно сложно происходило доприселение на казачьих землях.³

В 1910 г. непричисленных переселенцев было в Сибири около 700 тыс. душ. Вина за многолетнюю неустроенность переселенцев целиком лежала на громоздком аппарате царской администрации. Недаром Ленин писал о постановке переселенческого дела в Сибири, как о грандиозной эпопее «хищения, разорения и обнищания старожилов и переселенцев», «непроходимой тупости и бестолочи», которые «оставляют чрезвычайно сильное впечатление какого-то угара, чада, удушья старой крепостнической казённости».⁴

Непрерывный приток неимущих переселенцев способствовал образованию очень сильной кулацкой прослойки, главным образом среди старожилов. Но наряду с этим можно отметить отдельные факты упадка старожильческих хозяйств и даже случаи ухода старожилов из районов с особенно интенсивным притоком населения. Несмотря на обогащение общей массы старожилов, в большинстве умевших использовать благоприятную конъюнктуру, приток переселенцев вызывал подчас кризис старожильческого хозяйства, например, там, где основой этого хозяйства была охота, рыболовство или экстенсивное животноводство. «Порча» тайги, распашка сенокосов на таёжных полянах и еланях создавали для отдельных старожилов ощущение внезапно возникшей земельной тесноты.⁵ Землеустроительный аппарат, неспособный

¹ Часть приписанных «самовольцев», попадавших в степь, оседала на землях формально, а иногда и фактически находившихся во владении казахов-кочевников, и, будучи не в силах дожидаться землеустройства, вступала, минуя «начальство», в арендные отношения с местными султанами, извлекавшими из этих сделок немалую личную выгоду.

² «Сплошь да рядом есть переселенческие сёла, где неприписанных самовольцев ютятся в 2—3 раза больше, чем легальных переселенцев» (Комаров, цит. соч., стр. 76).

³ Вот что писал «о путанице поземельных порядков» на казачьих землях один из исследователей Алтайской колонизации: «Навалило сюда народа видимо-невидимо... многие пообзавелись хозяйством, но их не перечисляют и перечислить не могут, так как земля — казачья, а к казачьим обществам причислить крестьян нельзя». Казаки повсюду «сильно теснят русских, заставляют их платить за «пожилое» и за пользование разными угодьями... вечно грозят им выселением, хотя сами многих сюда заманили ради полочки за приёмку» (С. Л. Чудновский. Переселенческое дело на Алтае, Иркутск, 1889, стр. 124).

⁴ В. И. Ленин. Значение переселенческого дела, Соч., т. XVI, стр. 374.

⁵ Об этом много писали старые исследователи, придавая, на наш взгляд, фактам ухода в «глушь» отдельных старожилов излишне романтическую трактовку. «Старинные колонисты... выделяют из своей среды особый, весьма замечательный тип переселенцев, можно сказать пионеров русской колонизации. Эти люди, пришедшие в Зауральский край лет 30—40 тому

«найти» в Сибири землю, часто перегибал палку и обездоливал старожилов, оставляя им наделы, недостаточные при «сибирском» типе хозяйства. Примером может послужить оставление в Минусинском уезде старожилам четырёхдесятинных наделов, о чём с возмущением писал В. И. Ленин, хорошо лично знавший крестьянское хозяйство в этом районе.¹

Различия форм оседания переселенцев, отчасти обуславливавших и их взаимоотношения со старожилами, были связаны и с социально-историческими и с ландшафтными особенностями миграционного театра. Для южной сибирской степи характерным было устройство новых посёлков на землях, изъятых у казахов, либо (реже) на землях, оставшихся формально в их владении, но переходивших в руки переселенцев-самовольцев на правах аренды. Раз возникнув, новые посёлки делались часто центрами последующего доприселения. В таёжной и лесостепной полосе распространены были как формы создания новых массивов заселения под «опекой» переселенческих органов², так и доприселение к старожильческим посёлкам, причём первые преобладали в менее доступных местах, где нужны были дорогие работы по устройству дорог³, а иногда и ещё более сложные работы по мелиорации, например, при заселении переувлажнённых местностей северной части Барабы. В Восточной Сибири с её пересечённым рельефом создание новых массивов заселения приучивалось обычно к «открытию» отдельных долин путём постройки дороги. Доприселение являлось преобладающей формой оседания переселенцев во всей полосе сибирского тракта. На Алтае, куда преимущественно шёл поток «самовольцев», господствовало доприселение. Степной Алтай оказался тем районом Сибири, где кулацкое хозяйство развивалось в это время особенно быстро.

Географические результаты. Географо-экономические результаты массовых, главным образом крестьянских, переселений в Сибирь за пореформенное время, и особенно за 90-е и 900-е гг., были очень велики. Именно в результате огромной колонизационной волны в Сибири вырос важный район торгового земледелия. Посевные площади Сибири составляли в 1911 году по данным Центр. Стат. Управления и губернаторским отчётам (причём было заведомо известно, что данные эти преуменьшены):

назад... Теперь это по большей части старики, но... присущий им дух предпримчивости и инициативы не допускает для них пассивного отношения к угрожающей им опасности лишиться добытых тяжёлым трудом более или менее сносных условий существования» (И. Гурвич. Переселение крестьян в Сибирь, М., 1888, стр. 58).

¹ «Минусинский старожил получил по 4 десятины и «познал священные права собственности». Из пользования его изъяты десятки тысяч десятин лучшей земли» (Соч., т. XVI, стр. 375).

² Такими отдельными крупными массивами заселения оказались, например, бассейн Чулыма или северная часть Барабы.

³ В таёжных местностях Восточной Сибири стоимость постройки версты дороги («почти сплошная рубка просеки шириной в 9 сажен с корчёвкой проезжей части в 4 сажени») и «оканавливание на всём пространстве средней глубины 0,20 сажен») составляла от 800 до 1500 руб. (Г. Ф. Чиркин. Переселение и землеустройство в Забайкалье, стр. 77).

В Тобольской губ.	—1415,4 тыс. дес., в т. ч. под пшеницей	637,3 тыс. дес.
В Томской	. —2680,5	1371,0
В Иркутской	— 368,0	45,2
В Енисейской	. — 453,0	127,5
В Забайкальской обл.	— 344,4	54,4
В Якутской	12,6	1,3
В Семипалатинской „	232,7	139,9
В Акимовской	667,3	487,3
В Тургайской	„ 743,4 „ „ „ „ „ „	433,2 „

Всего 6897,3 тыс. дес., в т. ч. под пшеницей 3297,1 тыс. дес.

Рост посевов шёл в нарастающем темпе; по некоторым исчислениям он составлял перед началом первой мировой войны до миллиона десятин в год (подсчёты В. Вошинина¹). В общей массе посевов России Сибирь занимала уже тогда почти 10%, а по наиболее важной и товарной культуре — пшенице к 1913 г. её доля значительно перевалила за 10%.

На основе значительного развития животноводства сложился и крупный очаг товарного маслоделия.

Приток переселенцев ускорил процессы оседания кочевников на южной границе полосы земледельческого освоения, главным образом в Западной Сибири. По подсчётам П. П. Румянцева к 1911 г. их посевные площади в пределах перечисленных выше губерний и областей достигли уже 673,8 тыс. дес.²

Земледельческое развитие быстро шло в Западной Сибири (включая Алтай), которая поглотила главную массу переселенцев, а также в более узкой полосе вдоль Сибирской магистрали в бассейне Енисея и в Забайкалье. Развитие земледелия как бы экономически оправдало постройку этой величайшей железнодорожной магистрали, быстро дало ей достаточное количество грузов, чтобы превратить её из статьи государственного расхода в доходную.³

Все эти и подобные им факты слишком общеизвестны, и мы можем на них не останавливаться, тем более, что исследуем не экономическую историю Сибири, а лишь сдвиги в географии населения с их причинами и географическими последствиями.

В этой связи для нас существенно отметить прежде всего создание значительного ареала новых культурных ландшафтов (распаханная степь, лес, заменённый

¹ В. П. Вошинин. Переселение. Статьи в сб. «О земле», вып. 1, М., 1921.

² Азиатская Россия, т. II, стр. 274.

³ В этом отношении жизнь полностью опровергла все мрачные предсказания, исходившие (до начала строительства ж. д.) из реакционных кругов. См., например, высказывание ген. Андриевича: «Сибирская железная дорога желательна для военных и гражданских чинов, выгодна для купечества, бесполезна для 999 из тысячи местных обывателей, безусловно вредна для государства. Сибирь бедна, безлюдна, некультурна» (Цит. у М. Гудошникова. Сибирь. Историческая хрестоматия. Иркутск, 1932, стр. 117).

пашней, осушенные болота, окультуренные площади лугов в поймах, возникшие в результате хозяйственной деятельности людей, суходольные луга и т. п.).

Выше мы очертили те районы Сибири, в пределах которых в пореформенное время происходило интенсивное оседание переселенческого потока. В результате в пределах этих же районов шло хозяйственное освоение земель и, соответственно, преобразование ландшафтов.

Степень влияния хозяйственной деятельности человека на географическую среду определяется прежде всего той долей площади, которая непосредственно обрабатывается им. При площади установленного нами контура преимущественного оседания переселенцев около 120 млн. га и распаханной площади, достигавшей, вероятно, 10 млн. га, доля эта составляла 7—9%, что может показаться незначительным. Но в действительности воздействие человека сказывалось на гораздо большей площади. Следует учесть широкое развитие залежей, окультуренных лугов и пастбищ оттеснение тайги в результате палов и т. п. В сущности в той или иной мере вся территория, на которой оседали переселенцы, подвергалась воздействию человека, хотя наиболее глубоким это воздействие было, видимо, лишь в пределах, не превышавших 10—15% (пашня с частью залежей, осушенные, но ещё не распаханые болота, наиболее окультуренные сенокосы, земли под населёнными пунктами и дорогами и проч.). Степень воздействия таким образом ещё сильно уступала тому, что мы находим в Европейской части страны, но тем не менее происходили значительные преобразования географической среды.

За пределами районов интенсивного заселения воздействие человека было значительно слабее; сам характер этого воздействия лишь не на много изменился по сравнению с тем, о чём мы говорили уже в гл. II и III (сокращение лесных площадей в результате палов и т. п.). Здесь земледелие, то есть та форма хозяйственной деятельности, которая в наибольшей степени видоизменяет природную среду, получило лишь островное размещение. Незначительное влияние оно могло оказывать на изменения географической среды, например, в Якутии, где посевы (довольно неустойчивые) колебались на протяжении последнего десятилетия перед Октябрьской революцией между 13,2 и 36,9 тыс. га.¹ Правда, благодаря природным особенностям Якутии (характер почв, возможность быстрого образования в вечно мёрзлом грунте «термокарста») и такие незначительные по площади распахивали могли существенно изменять физико-географическую среду, тем более, что пашня часто переносилась. Переселенческого притока в Якутию почти не было. Известную роль в развитии земледелия сыграло лишь пребывание в средней полосе Якутии с 60-х гг. до 1905 г. ссылаемых сюда скопцов, число которых составляло в 80-х гг. несколько более тысячи человек. Не следует, однако, переоценивать влияние ссылки скоп-

¹ А. А. Храпаль. Сельское хозяйство Азиатского Севера, Л.-М., 1940.

цов на развитие в Якутии земледелия. Хозяйственный успех скопческих поселений в большой мере зависел от эксплуатации ими коренного населения и барышничества.¹ Гораздо большее значение имело перенятие якутами (главным образом в Олёкминском и Якутском округах) земледельческого опыта у русских крестьян и политических ссыльных. Так, «не имея опыта по возделыванию полевых культур и уходу за ними, олёкминские якуты старались перенимать от русских крестьян и политических ссыльных технику обработки земли, сельскохозяйственный инвентарь (соху, борону, упряжь) и приучали свой рабочий скот к полевым работам на пашне. Весной ездили к русским крестьянам за семенами и присматривались, как они обрабатывают пашню и сеют хлеб».²

Отдельные очаги земледелия возникали и в суровом бассейне Колымы, хотя и являлись неустойчивыми и часто забрасывались. Значение их не выходило за пределы опытничества.³

Таким образом крупные изменения географической среды, приводившие к созданию трансформированных человеком культурных ландшафтов, были локализованы в основном лишь в тех районах, куда шёл массовый приток населения. Но мы знаем, что сама площадь этих районов была достаточно значительна: по своей величине она уже была соизмерима, например, с площадью всей Западной Европы.

Наряду с формированием культурных ландшафтов, увеличением площадей, природная среда на которых видоизменялась, и «уплотнением» таких видоизменённых участков в пределах ареала заселения, шёл и процесс создания новой географии размещения самих населённых пунктов. Теперь они образовывали довольно сгущённую сеть, во многом не похожую на старую систему расселения. В последней очень видное место занимала цепочка сёл в полосе Сибирского тракта, а сейчас она терялась среди деревень, переселенческих посёлков, заимок, более равномерно заполнявших всю территорию. Эти изменения в географии населения отражали рост сельскохозяйственного производства, расширение земледельчески обрабатываемых площадей; вместе с тем они создавали и иную социально-экономическую обстановку для дальнейшего развития Сибири, что представлялось по своему значению не менее важным экономико-географическим результатом массовых переселений, чем видоизменения природной среды.

Оценивая новую социально-экономическую обстановку, которая складывалась в Сибири, следует прежде всего подчеркнуть значение бурного развития на этой окраине царской России ка-

¹ И. И. Майнов. Русские крестьяне и оседлые инородцы Якутской области, СПб, 1912.

² А. А. Избекова. Русские крестьяне—проводники земледельческой культуры у якутов. Сб. «Прогрессивное влияние великой русской нации на развитие якутского (народа). Якутск, 1950, стр. 109. В цитируемой работе приводится богатый фактический материал, подтверждающий, что с 80-х гг. XIX в. в средней и южной Якутии развитие земледелия у якутов получило массовый характер.

³ В. А. Кротов. Земледелие в бассейне Колымы, Иркутск, 1932.

питализма. Несмотря на антагонистический характер капиталистических производственных отношений, на то, что они разрушали былую патриархальную «сытость» Сибири, — процесс этот являлся объективно-прогрессивным, так как он обеспечивал в конечном счете известный рост производительных сил, приводил к укреплению и развитию в Сибири более передовых для того времени форм хозяйства.

Дело, разумеется, не могло сводиться к одним лишь количественным показателям подъема сибирского хозяйства; сами эти количественные показатели делались возможными только в обстановке качественных изменений в типе сибирского хозяйства. Говоря коротко, важнейшие из этих качественных изменений сводились: а) к вооружению Сибири транспортными средствами, сделавшими возможным и необходимым переключение местной экономики на рельсы высокой товарности; б) к развитию местного рынка; в) к росту городов и горнопромышленных центров (хотя последние и были довольно скромны); г) к проникновению в сельское хозяйство многих улучшенных приемов обработки земли (к приносу переселенцами новых с. х. культур, а также ремесла) и т. д.;¹ д) к образованию значительного числа предприятий (хотя и мелких) по первичной переработке с. х. продуктов (мельницы, маслодельные заводы и т. д.). Современники согласно отмечают, что переселенцы принесли земледелию Сибири не только многие улучшенные сорта семян ранее возделывавшихся культур, но и совершенно новые для Сибири культуры: подсолнечник, гречиху, просо, бобовые, ряд бахчевых культур, кое-где даже фруктовые насаждения. Именно переселенцы ввели в Сибири пчеловодство.² Они же были пионерами применения навозного удобрения.³ Переселенцы обычно довольно скоро вводили плуги; о переходе к улучшенным приемам обработки земли пишут многие наблюдатели. В переселенческом хозяйстве «местная соха вытесняется российским плугом».⁴ Существенную роль в распространении машин играли склады Переселенческого Управления, снабжавшие переселенцев на льготных условиях сельскохозяйственными орудиями, в том числе улучшенными. Через эти склады проходила треть с. х. орудий, поступавших в Сибирь. Уже в 90-х гг. один из современных наблюдателей писал, что «веялки и сортировки в Бийском округе есть почти в каждой деревне, во всех волостях Бийского и некоторых Барнаульского округа работают по 2—4 молотилки».⁵

Именно развитие капитализма в сибирской деревне приводи-

¹ Ещё Глеб Успенский писал об «обилии домашнего трудового разнообразия» (как он своеобразно выражается) в хозяйстве новосёла, образующего резкий контраст с более однородным, более бедным по содержанию хозяйством старожильским.

² А. А. Куломзин. Всеподданнейший отчёт по поездке в Сибирь для ознакомления с положением переселенческого дела. СПб, 1896, стр. 120.

³ Н. М. Ядринцев. Судьба русских переселений за Урал. Отч. записки, 1879, № 5, стр. 155.

⁴ Н. Овсянников. Колонизация и переселенческое дело, Сб. «Алтай», Томск, 1890, стр. 355.

⁵ Н. Овсянников, назв. соч., стр. 355.

ло к быстрому росту употребления различных с. х. машин, без чего не мог идти рост запашек и посевов. Общеизвестно, что Сибирь стала накануне Октябрьской революции важнейшим рынком для русского с. х. машиностроения. За последние годы XIX и первое десятилетие XX века Сибирь ввезла с. х. машин на 150 млн. рублей. Особенно широкое распространение получили в Сибири уборочные машины.¹ Жатвенные машины Люберецкого завода шли главным образом в Сибирь. В 1910 г. в Сибири было сосредоточено больше $\frac{1}{3}$ всех сенокосилок и конных граблей России.²

Переселенцы создали в Сибири маслособойное дело. Значительное увеличение и качественное улучшение мукомолья также можно связать с переселенческим движением. Переселенцы привели новые, улучшенные породы скота, например тонкорунных овец. Приток переселенцев дал толчок росту кустарных промыслов; с приходом переселенцев в сибирской деревне появились столяры, тележники, пимокаты, кожевники, шубники и другие мастера.³ Наряду с развитием сельских ремёсел приток переселенцев двинул вперёд и само земледелие. Н. Н. Овсянников писал, что на Алтае до развития переселенческого движения «продажа рогатого скота и масла давала более верные доходы, чем пашня. В результате (были) целые деревни, где ни один двор не сеял хлеба, и всего 10—12 пахарей на большие, дворов в 150—200, сёла». В 70—80-х гг. положение на Алтае в корне изменилось — «пароходы повезли алтайский хлеб в Тюмень, и цены на пшеницу поднялись втрое. Ныне где хлеб, там и деньги, — убедился сибиряк и стал сам оседать на пашню». Овсянников настойчиво подчёркивает, что «старожилы учатся (у новосёлов — В. П.) и лучшим приёмам ухода за пашней... Переселенец сеял, косил, жал, и всё это делал так умело, как алтайский крестьянин до этого и не видывал».⁴

Особенно велики были изменения в 90-х гг. вдоль внезапно потерявшего своё значение Сибирского тракта, где раньше извоз и дворничество решительно отодвигали земледелие на задний план, превращая его в подсобную отрасль (главным образом посевы для обеспечения лошадей овсом). С постройкой Сибирской железной дороги промыслы эти упали, зато дорога создала предпосылки для сбыта товарного хлеба. Отсюда — бурное развитие запашек в притрактовых сёлах, сам тип хозяйства которых радикально изменился.

Мы видим, что переселенческое движение в пореформенное время действительно создало крупные сдвиги в развитии и раз-

¹ Азиатская Россия, т. II, стр. 406—407.

² О значительности потока с. х. машин в Сибирь говорят и данные статистики ж. д. перевозок. Нам пришлось составить на основании этих данных за 1913 г. карту грузопотоков с. х. машин (в упрощённом виде опубликована в нашей книге «Проблемы размещения промышленности», М., 1932, стр. 29). Представление о Сибири, как огромном по ёмкости рынке для с. х. машиностроения Центра снова показывает нам Сибирь, как колонию, собственное промышленное развитие которой искусственно тормозилось.

³ Н. Овсянников, цит. соч., стр. 355; Ядринцев, цит. соч., стр. 155.

⁴ Н. Овсянников, назв. соч., стр. 341, 356—357.

мещении производительных сил Сибири. Но это только одна сторона дела. Обратной стороной этого развития были быстро развивающиеся противоречия, которые нарастали в самой сибирской деревне, обострившиеся классовые противоречия, стремительный процесс обнищания народных масс. «Цена» достигаемых успехов была очень высока. Это были вынуждены отчасти признавать и те официозные круги, которые предпочитали обращать внимание на «мажорные» черты всей картины, подчас стремясь даже попросту отрицать классовое расслоение в Сибири и бедственное положение основного слоя переселенцев.¹ Так уже не раз цитированный нами либеральный чиновник Н. Н. Овсянников проговаривался, что «нуждающийся переселенец, исконный пахарь, был находкой, кладом для богатого сибиряка. Даже некоторые общества, делая выбор между переселенцами, ищущими у них пристанища, предпочитают бедных переселенцев богатым».² Однако при такой постановке вопроса всё зло сводилось лишь к неумелой административной политике местных чиновников, тормозящих водворение, заставлявших новосёлов подолгу ждать получения собственного надела и итти временно работать в старожильческом хозяйстве. Именно по этой «безопасной» линии — осуждения лишь практики водворения — главным образом и направлялась критика кадетов-либералов, вроде известного деятеля переселенческого дела А. А. Кауфмана. Представители оппозиционной интеллигенции народнического толка вроде Глеба Успенского шли значительно дальше; яркими красками они показывали бедствия переселенцев, колоссальную смертность среди них, мучительные испытания многих тысяч людей;³ но, не вооружённые революционной теорией, они не могли вскрыть действительных причин той бедственной судьбы, которая постигала в Сибири переселенца.

Только революционная марксистская мысль могла в царской России последовательно и решительно разоблачить казённый оптимизм по поводу «разрешения» переселенческого вопроса. В. И. Ленин писал: «Правительство добилось только нового обострения и ухудшения положения крестьян и в России и в С и б и р и». «Не ясно ли, что хваленое правительственное «устройство» переселенцев оказалось пухом?». ⁴ Революционно-марксистская мысль не только разоблачила лживую легенду о сибирском благополучии, но и вскрыла глубокие классовые причины «бедствий, разорения и нищеты крестьян, которые распродали все дома, чтобы уйти в Сибирь».⁵

¹ Царский сановник Куломзин, например, писал, что «закабаления переселенцев нигде не существует, да повидимому, и не может существовать, так как летом в страду каждый сибиряк, ведущий хозяйство, нуждается в рабочих, и последние, будь то переселенцы или нет, не дадут себя в обиду». Назв. соч., стр. 108.

² Назв. соч., стр. 341.

³ Вспомним, например, потрясающий по силе иронии очерк Гл. Успенского «Не знаешь где найдёшь».

⁴ В. И. Ленин, Соч., т. XVI, стр. 451 и 452.

⁵ Там же, стр. 452.